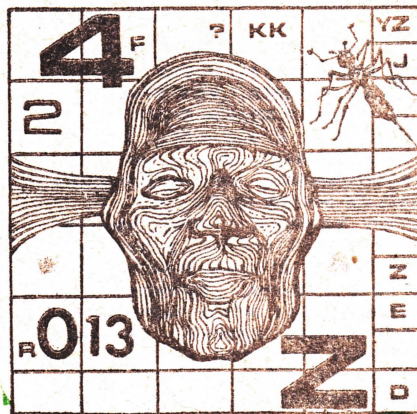

ВЫПУСК
9

Шиф

приключения фантастика

Библиотечка «Уральского следопыта»

ДОРОГА,
С КОТОРОЙ
НЕ
ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Художник
Д. Литвинов

Анджей
САПКОВСКИЙ

— Выпускник факультета зарубежной торговли Лодзинского университета, более десяти лет работает по специальности. Автор бравурного «Ведьмака», награжденного во II конкурсе журнала «Фантастика».

Журн. «Фантастика»
(ПНР), 1988 г. № 8, Пер.
И. Невструева.

ПТИЦА с пестрыми перьями, сидевшая на плече Висенны, заверещала, затрепетала крыльями, с шумом снялась и полетела к зарослям. Висенна остановила коня, на мгновение прислушалась, затем осторожно двинулась по лесной тропе.

Мужчина, казалось, спал, навалившись спиной на столб у развилки. Подъехав ближе, Висенна заметила, что глаза у него открыты. Временная повязка, закрывавшая левое плечо и бицепс, пропиталась кровью, которая еще не успела засохнуть.

— Здравствуй, юноша, — сказал раненый, выплевывая длинный стебель травы. — Можно спросить, куда путь держишь?

Висенна не понравился «юноша», и она откинула капюшон с головы.

— Спросить можно, но неплохо бы обосновать любопытство.

— Простите, пани, — сказал мужчина, щуря глаза. — Вы носите мужскую одежду. А что до любопытства, то оно обосновано, а как же. Это необычная развилка, здесь со мной случилось интересное происшествие...

— Вижу, — прервала его Висенна, глядя на неподвижную, неестественно скрюченную фигуру, наполовину скрытую подлеском метрах в десяти от столба.

Мужчина проследил ее взгляд, потом их глаза встретились. Висенна, делая вид, что откидывает волосы со лба, коснулась диадемы, скрытой под полоской змеиной кожи.

— Верно, — спокойно сказал раненый. — Там лежит покойник. Зоркие у вас глаза. Наверное, считаете меня разбойником? Я прав?

— Нет, — сказала Висенна, не отнимая руки от диадемы.

— А... — начал было мужчина. — Да, но...

— Твоя рана кровоточит.

— Большинство ран имеют такую странную особенность, — улыбнулся раненый. У него были красивые зубы.

— Под повязкой, сделанной одной рукой, она будет кровоточить еще долго.

— Ужель хотите вы оказать мне честь своей помощью?

Висенна прыгнула с коня, царапнув каблукон мягкой землю.

— Меня зовут Висенна, — сказала она, — и я не привыкла никому оказывать честь. Кроме того, не люблю, когда ко мне обращаются во множественном числе. Я займусь твоей раной. Можешь встать?

— Могу. А надо?

— Нет.

— Висенна, — сказал мужчина, слегка прилюднявшись, чтобы ей было легче смотреть полотно. — Красивое имя. Тебе говорили, что у тебя прекрасные волосы? Этот цвет называется медным, верно?

— Нет. Рыжим.

— Ага. Как закончишь, подарю тебе букет из люпина, что растет во рву. А во время операции расскажу, — так, чтобы занять время, — что со мной случилось. Видишь ли, я пришел той же

дорогой, что и ты. Вижу: стоит на распутии столб — о, именно этот. К столбу прибита доска... Больно.

— Большинство ран имеют такую странную особенность, — Висенна сняла последний слой полотна, не стараясь быть особо деликатной.

— Верно, я и забыла. О чем это я... Ах, да. Подхожу, смотрю: на доске надпись, корявая, корявая-прекорявая — я знал когда-то лучника, который мог красивее написать мочой на снегу. Читаю... А это что такое, моя пани? Что это за камень? Что за черт? Такого я не ожидал...

Висенна медленно провела гематитом вдоль раны. Кровотечение мгновенно прекратилось. Закрыв глаза, она обеими руками ухватила за плечо мужчины, сильно сжав края раны. Потом отняла руки — ткань просрелась, оставив утолщенные и пурпурную полосу.

Мужчина молчал, внимательно ее разглядывая. Наконец осторожно согнул руку, распрямил, потер шрам и покачал головой. Потом натянул окровавленную рубашку и куртку, встал, поднял с земли пояс с мечом, скрепяемый пряжкой в виде драконьей морды.

— Вот что значит везение, — сказал он, не спуская с Висенны взгляда. — Наткнуться на целительницу посреди пуши, где проще встретить оборотня или, что еще хуже, пьяного дровосека. А как будет с платой за лечение? У меня как раз нет с собой наличных. Хватит букета люпина?

Висенна игнорировала вопрос. Она подошла к столбу и задрала голову — доска была прибита на высоте взгляда мужчины.

— Ты, приехавший с запада, — прочитала она вслух. — Налезо пойдешь — вернешься. Направо пойдешь — вернешься. Прямо пойдешь — не вернешься. Ерунда.

— Именно так я и подумал, — согласился мужчина, стравивая хвою с колена. — Я знаю эти места. Прямо, то есть на восток, дорога идет к перевалу Кламат, на кувеческий тракт. Отчего бы оттуда не вернуться? Такие красивые девушки, желающие выйти замуж? Дешевая горилка? Свободное место бургомистра?

— Ты отлекался от темы, Корин.

Мужчина открыл от удивления рот.

— Откуда ты знаешь, что меня зовут Корин?

— Ты сам сказал минуту назад. Давай дальше.

— Да? — Мужчина подозрительно посмотрел на нее. — В самом деле? Ну, может... На чем я кончил? Ага. Знаю читая и думаю, что за баран придумал такую надпись? Вдруг слышу, кто-то бормочет за моими плечами. Поворачиваюсь — бабуля, седенькая, сгорбленная, с палочкой. Спрашиваю вежливо, что с ней. Она бормочет: «Голодная я, благородный рыцарь, с рассвета ничего на зуб не попадало. Ну, догадываюсь, есть у бабули еще один зуб. Растрогался, как не знаю кто, и достаю из сумы кусок хлеба и половину сушеного леща, полученного от рыбаков на Яруге, и даю старухе. Она садится, жует, кашляет, выплевыва-

ет кости. Я снова смотрю на странный указатель, и тут бабка говорит: «Добрый рыцарь, ты меня спас, и награда тебя не обойдет». Хотел я ей сказать, куда она может сунуть свою награду, а бабка продолжает: «Подойди, хочу я тебе сказать на ухо, важную тайну открыть, как многих добрых людей от несправедливости избавить и славу с богатством добыть».

Висенна вздохнула и села рядом с Коринном. Он ей нравился — выскочил, светловолосый, с продолговатым лицом и выдвинутым подбородком. И он не вонял, как обычно мужчины, которых она встречала. Висенна отогнала навязчивую мысль, что слишком долго бродит одиноко по лесам и дорогам. Мужчина продолжал:

— Ха, думаю, классический случай подвернулся. Если у бабки нет склероза и с головой все в порядке, может, и будет из этого польза для бедного вожака. Наклоняюсь, подставляю ухо, как последний дурак... и если бы не рефлекс, получил бы прямо в горло. Отскочил я, а кровь бьет из плеча, как из дворцового фонтана а бабка идет с ножом, воя, фыркая и плюясь. Я все еще не считал это серьезным делом и пошел к ней, чтобы лишиться ее преимущества, и чувствую, что это вовсе не старушка — груди твердые, как камень...

Корин искаса взглянул на Висенну, чтобы проверить, не краснеет ли? Она слушала с вежливым интересом на лице.

— О чем это я? Ага. Думал, свалю ее с ног и разоружу, но где там. Сильная, как рысь. Чувствую, еще секунда, и вырвет у меня руку с ножом. Что было делать? Оттолкнул ее и хватил за меч... Сама на него оделась.

Висенна сидела молча, задумчиво потирая змеиную повязку.

— Висенна? Я говорю, как было. Знаю, что это женщина, и чувствую себя глупо, но чтоб мне стохнут, если это была нормальная старуха. Сразу после того, как упала, она изменилась. Помолодела.

— Иллиюзид, — задумчиво сказала Висенна.

— Что-что?

— Ничего. — Висенна встала и подошла к трупу, лежавшему среди папоротников.

— Ты только взгляни, — Корин встал рядом. — Баба, как статуя из дворцового фонтана. А была сгорбленная и сморщенная, как зад столетней коровы. Чтоб мне...

— Корин, — прервала его Висенна. — У тебя нервы крепкие?

— Э? Причем здесь мои нервы? Впрочем, если это тебя интересует... не жалуюсь.

Висенна сняла повязку со лба, и камень в диадеме разгорелся молочным светом. Она встала над трупом, вытянула руки и закрыла глаза. Корин смотрел на нее, полуоткрыв рот. Висенна склонила голову и что-то шептала, чего он не понимал.

— Грелхан! — крикнула вдруг она.

Папоротники зашелестели. Корин отскочил, выхватил меч и замер в возе

защиты. Труп задрожал.

— Грээаааа! Говори!

— Ааааааа! — раздался нарастающий хриплый вой. Труп изогнулся дугой, он почти левитировал, касаясь земли пятками и затылком. Вой стал тише, сменившись горловым бормотанием, рвными стонами и криками, постепенно усиливающимися, но абсолютно непонятными. Корин почувствовал на спине струйку холодного пота, раздражающую, как ползущая гусеница. Сжав кулаки, чтобы сдержать дрожь в руках, он всей силой воли боролся с желанием ударить в глубь леса.

— Огггг... ниннн...ингарррр... — пробормотал труп, царапая землю ногтями и пуская кровавые пузыри, допавшиеся на губах. — Нарр... еееггг...

— Говори!

От вытянутых ладоней Висенны тянулся мутноватый поток света, в котором клубилась пыль. Из папоротников взлетели вверх сухие листья и ветки. Труп поперхнулся, зачмокал и вдруг заговорил, совершенно отчетливо:

— ...распугах шесть миль от ключа в полдень дальше всего. Поо... Посылал. Круга. Паряя. Прове... ггг... лел. Велел.

— Кто? — крикнула Висенна. — Кто велел?

— Ффффф... ггг... генал. Все письма, списки, амулеты. Ко... льца.

— Говори!

— ...ревале. Кощей. Ге... нал. Забрать письма. Пер... гаменты. Придет с маааааааа! Ееееееее! Ныыыыы!

Бормочущий голос завибрировал и растворился в ужасающем вое. Корин не выдержал, бросил меч, закрыл глаза и прижал руки к ушам. Он стоял так, пока не почувствовал на плече прикосновение, и тогда вздрогнул всем телом.

— Все кончилось, — сказала Висенна, вытирая пот со лба. — Я спрашивала, какие у тебя нервы.

— Что за день, — простонал Корин. Он поднял меч и спрятал его в ножны, стараясь не смотреть на уже неподвижное тело. — Висенна?

— Слушаю.

— Идем отсюда. Подальше от этого места.

ОНИ ехали вдвоем на коне Висенны по лесной дороге, заросшей и покрытой выбоинами. Она впереди, в седле, Корин сзади, обнимая ее за талию. Висенна давно уже привыкла радоваться небольшим удовольствиям, время от времени дерущим судьбой, и сейчас опиралась спиной о грудь мужчины. Оба молчали.

— Висенна... — Корин не выдержав первый, спустя примерно час,

— Слушаю.

— Ты не только дева-тальница. Ты из Круга?

— Да.

— Судя по этому... взгляду, Мастер?

— Да.

Корин отпустил ее талию и взялся за лук седла. Висенна гневно сощурилась, но, конечно, он этого не заметил.

— Висенна?

— Слушаю.

— Ты поняла что-нибудь из того, что это... это говорило?

— Немного.

Они снова замолчали. Пестрая птица, пролетавшая над ними, громко заверещала.

— Висенна?

— Корин, сделай одолжение.

— Э?

— Перестань болтать. Я хочу подумать.

Пропека привела их ввязь, а сараг, в русло мелкого ручья, лениво пробирае-

шегося среди валунов и черных стволов в пронзительном запахе мяты и крапивы. Конь скользил по камням, покрытым глиной и илом. Чтобы не упасть, Корин вновь ухватился за талию Висенны, отгоняя навязчивую мысль, что слишком долго бродит одиноко по лесам и дорогам.

Селение, прижавшееся к склону горы, тянулось вдоль твиста. Было оно соломенным и грязным, притаившимся

среди кривых изгородей. Когда они подыхали, собаки подняли лай. Конь Висенны спокойно ступал по середине дороги, не обращая внимания на псов, тянувших морды в пани к его бабкам.

Поначалу никого не было видно, потом из-за плетней, ведущих на гумна, появились жители — они подходили медленно, босые и угрюмые. Одни несли вилы, жерди, цепи, другие наклонялись, поднимали камни.

Висенна остановила коня и подняла руку. Корин заметил, что в ладони она держит маленький золотой ножик в форме серпа.

— Я целительница, — сказала она отчетливо и звучно, хотя совсем не громко.

Мужики опустили оружие, зашептались, переглянулись. Их становилось все больше. Несколько ближайших сняли шапки.

— Как зовется это село?

— Ключ, — ответили из толпы после паузы.

— Кто старший над вами?

— Топин, милостивая пани. Вон та хижина.

Прежде чем всадники двинулись дальше, сквозь ряд крестьян протиснулась женщина с младенцем на руках.

— Пани... — простонала она, несмело касаясь колена Висенны. — Дочка... аж горит от жара...

Висенна спрыгнула с седла, коснулась головки ребенка, закрыла глаза.

— Завтра будет здорова. Не кутай ее так тепло.

— Спасибо, милостивица...

Топина застали во дворе, он прикидывал, что делать с вилами, которые держал в руках. Наконец, соскреб ими со ступенек куриний помет.

— Простите, — сказал он, оставляя вилы. — Пани. И вы милостивый. Время такое тревожное... В дом прошу.

Они вошли.

Женщина Топина, таща за собой двух вцепившихся в юбку светловолосых девочек, подала яичницу, хлеб и простоквашу, после чего исчезла в каморке. Висенна, в отличие от Корина, ела мало, сидела мрачная и тихая. Топин вращал глазами, почесывался и говорил:

— Время тревожное, ой, тревожное. Беда нам, милостивые. Мы овец на шерсть разводим, на продажу эту шерсть, а ныне купцов нет, вот и бьем овец рунных овец бьем, чтобы было что в котел положить. Раньше купцы за яшмой, за зеленым камнем ходили в Амеллу, через перевал, там рудники находятся. И яшму там добывают. А как шли купцы, то и руно брали, платили, разное добро оставляли. Нет ныне купцов. Даже соли нет, что убьем — за три дня съест должны.

— Обходят вас караваны? Почему? — Задумавшись, Висенна то и дело касалась повязки на лбу.

— А и обходят, — буркнул Топин. — Закрыта дорога в Амеллу, на перевале засел проклятый Кощей, живой души не пропустит. Как туда купцам идти? На смерть?

Корин замер с ложкой у рта.

— Кощей? Что это за Кощей!

— А я знаю? Кощей, говорят, людоед. На перевале сидит.

— И не пускает караваны?

Топин огляделся по сторонам.

— Некоторых — да. Своих пускает.

Висенна нахмурилась.

— Как это — свои?

— А вот свои, — забормотал Топин и поблдевел. — Людичкам из Амеллы еще хуже, чем нам. Нас хоть лес много кормит, а те на голой скале сидят и только то имеют, что им кощевы за яшму продадут.

— Какие — «кощевы»? Люди?

— И люди, и враны, и другие. Бандиты это, пани. Они в Амеллу возят то, что у нас заберут, там на яшму и камень зеленый меняют. А у нас силой берут. По селам, бывало, грабили, девок насиловали, а противился кто — убивали.

— Сколько их? — спросил Корин.

— Кто их там, милостивый пани, считал. Защищаются села, вместе держатся, но что с того, если ночью налетят, поеджат. Лучше уж самим дят, чего хотят. Говорят...

Топин еще больше поблдевел и задрожал.

— Что еще говорят, Топин?

— Говорят, что Кощей, если его разозлит, вылезет с перевала и пойдет к нам, в долину.

Висенна вдруг встала. Лицо ее так изменилось, что Корин содрогнулся.

— Топин, — сказала чародейка, — где тут ближайшая кузня? Конь мой подкову потерял на тракте.

— За селом лес. Там и кузня есть, и конюшня.

— Хорошо. А теперь иди, спроси, где кто болен или ранен.

— Спасибо вам, милостивая благодетельница.

— Висенна, — сказал Корин, как только за Топином закрылась дверь. Она повернулась и взглянула на него.

— У твоего коня подковы в порядке. Висенна молчала.

— Зеленый камень — это жадеит, которым слезятся рудники в Амелле, — продолжал Корин, — а туда можно попасть только через перевал. Дорога, с которой не возвращается. Что говорила покойница на развилке? Почему она хотела меня убить?

Висенна не ответила.

— Молчишь? Ничего. Итак, все начинает проясняться. Бабуля с развилки ждала кого-то, кто останется перед глупой надписью, запрещающей идти дальше на восток. Это была первая проба — умеет ли пришелец читать. Потом бабуля еще проверяет — кто, если не добрый самаритянин из Круга Друидов, поможет в наше время голодной старухе? Любый другой — голлову даю — отобрал бы у нее еще и палку. Хитрая бабуля идет дальше — начинает болтать о бедных людях, нуждающихся в помощи. Путешественник, вместо того, чтобы угостить ее пинком и бранным словом, как сделал бы обычный, серый житель этих мест, напряженно слушает. Да, думает бабуля, —

это он. Друид, идущий расправиться с бандой, мучающей окрестность. А поскольку, вне всякого сомнения, она сама послана этой бандой, берется за нож. Хай Висенна, разве я не умею!

Висенна не ответила. Она стояла, повернувшись к окну, и видела — полупрозрачные пленки рыбьих пузырей не задерживали ее взгляда — деструю птицу, сидящую на вишне.

— Висенна?

— Слушаю, Корин.

— Что такое Кощей?

— Корин, — резко сказала Висенна, поворачиваясь к нему. — Почему ты лезешь не в свои дела?

— Послушай, — Корин ничуть не задел ее тон. — Я уже замешан в твою, как ты говоришь, дела. Так уж вышло, что меня хотели зарезать вместо тебя.

— Случайно.

— А я думал, что чародеи не верят в случайности, а только в магическое притяжение, переплетение событий и тому подобное. Ты только взгляни, Висенна, что происходит, — мы едем на одном коне. Пусть ради смеха так продолжается и дальше. Я предлагаю тебе помощь в деле, цели которого не понимаю, и отказ расценю, как проявление высокомерия. Мне говорили, что вы, из Круга, пренебрегаете обычными смертными.

— Это ложь.

— Вот и отлично, — Корин улыбнулся. — Тогда, не теряя времени, едем к кузне.

М

ИКУЛА покрепче ухватил прут щипцами и повернул его на углы.

— Давай, Чоп! — приказал он. Помощник повис на рычаге меха. Его толстошее лицо блестело от пота. Несмотря на широкий открытую дверь, в кузнице было невыносимо жарко. Микула перекинул прут на наковальню и несколькими сильными ударами расплющил его.

Колесник Радим, сидевший на неотесанном березовом чурбаче, расстегнул сермягу и выгадил рубаху из штанов.

— Хорошо вам говорить, Микула, — сказал он. — Для вас потасовка — не новость.

— Вот и радуйтесь, что такого на селе имеете, — ответил кузнец. — Второй раз говорю вам, что не буду больше этим в пояс кланяться. И работать на них не буду. Не пойдете со мной, начну один или с такими, что кровей, а не пиво в жилах имеют. В леса уйдем, будем их по одному бить, как поймем. Сколько их? Тридцать? Может, и того нет. А сел по эту сторону перевала сколько?

Молот звенел о наковальню ритмично, почти мелодично.

— Хорошо вам говорить, — повторил Радим. — А сколько из Ключа пойдет?

— Ключ — село малое. Нужно узнать в Порого и Качане.

— Я узнал. Говорил же вам, как было. Без воинов из Майны люди не дадутся. Некоторые говорят так: что нам эти враны, боболки, их на вилы можем миглом одеть, что делать, если Кощей за нас пойдет? А про-

тив Кощея не наша сила, сами знаете.

— Откуда мне знать? — крикнул кузнец. — Может, вовсе нет никакого Кощея? Видел его кто?

— Не говорите, Микула, — Радим склонил голову. — Сами знаете, с купцами охраной не простые забияки ходили, настоящие головорезы. А вернулся кто с перевала? Ни один. Нет, Микула, нужно ждать, говорю вам. Будет с Майны помощь, тогда дело другое.

Микула отложил молот, вновь сунув прут в горн.

— Не придет войско с Майны, — угрюмо сказал он. — Там паны побились между собой. Я своего парня в Круг послал, к Друидам.

— К волшебникам? — недоверчиво спросил колесник.

— К ним. Но парень еще не вернулся.

Радим покачал головой, встал, поднял штаны.

— Не знаю, Микула, не знаю. Не для моей это головы. Но и так, и так выходит...

Во дворе перед кузней заржал конь.

Колесник застучал зубами, побледнел. Микула заметил, что у него задрожали руки, вытер их о кожаный передник. Не помогло. Он сплотил слону и двинулся к выходу.

Всадник был шестеро. Все в куртках, обшитых железными пластинами, кольчугах и кожаных шлемах со стальными полосками, заходившими прямой

Второй всадник был человеком. Из-под клювастого шлема смотрели голубые глаза. Но в глазах этих таилось столько равнодушия, холодной жестокости, что Микула содрогнулся от тошнотворного страха, прокатившегося мурзашками. По-прежнему было тихо. Кузнец слышал жужжание мух, круживших над кучей навоза за плетнем.

Человек в шлеме с клювом заговорил первым:

— Кто из вас кузнец?

Вопрос не имел смысла, поскольку кожаный фартук и фигура Микулы выдавали его. Кузнец молчал. Светлоглазый сделал короткий жест одному из вранов. Тот наклонился с седла и наотмашь махнул гизармой, которую держал за середину древка. Микула машинально прикрыл голову руками, но удар был предназначен не ему. Клинок полоснул Чопу по шее и вошел наискось, глубоко, перерубив ключицу и позвоночник. Парень рухнул на стену кузницы и сполз на землю.

— Я задал вопрос, — напомнил человек в клювастом шлеме, не сводя глаз с Микулы. Рукой в перчатке он касался топора, висевшего у седла. Двое вранов, стоявших в отдалении, подошли смолотые щелки. Спокойно, не торопясь, они обошли кузницу, прикладывая огонь к крыше.

Крыша на кузне трещала, кряхтела, пуская грязный, желтоватый дым, потом стрельнула вверх пламенем, рассыпала могучим порывом искры.

— Твоего помощника мы схватили. Того, что должен прийти из Майны, тоже ждем, — продолжал человек в шлеме с клювом. — Да, Микула, суну ты свой паршивый нос туда, куда не стоило. За что и ждет тебя серьезная неприятность. Думаю, стоит посадить тебя на кол. Есть тут поблизости какой-нибудь приличный кол? Или еще лучше — подадим тебя за ноги в даярх твоей кузны и сдерем шкуру, как с угря.

— Хватит болтовни, — сказал высокий вран с солнцем на кleme, швыряя свой факел в открытую дверь кузны. — Сейчас тут будет все село. Кончаем с ним, забираем лошадей и уходим. Откуда в вас, в людях, любовь к палачеству?

Светлоглазый не повернул головы в сторону врана. Склонившись с седла, направил лошадь на кузнеца.

— А ну, влезай в кузню, — сказал он. В его светлых глазах тлела радость убийцы. — Нет времени, чтобы отделать тебя, как следует, но, по крайней мере, я могу тебя поджарить.

Микула сделал шаг назад. Спинай он почувствовал жар пылающей кузны, рушились, пылая, балки с крыши. Еще один шаг, и он споткнулся о тело

линией металла между огромными, рубиново-красными глазами, занимавшими половину лица. Они сидели на коленях неподвижно, как бы небрежно.

Напротив входа в кузню находились двое. Высокий вран на своем коне, покрытом зеленой попоной, со знаком седльца на шлеме. А второй...

— Мамочка, — прошептал Чоп за спиной кузнеца.

Радим не выдержал, закрыв лицо руками и зарываясь, бросился вперед. Когда он поровнялся с высоким враном, тот с размаху воткнул ему пику в живот.

— Ну и что, Микула, или как там тебя, — сказал светлоглазый, — остался ты один. И зачем тебе это было нужно? Людей бунтовать, за помощью куда-то посылать? Думал, мы не узнаем? Глупый ты.

Чопа и прут, который парень уронил, падая.

Прут...

Микула наклонился, молниеносно схватил тяжелое железо и, не выпрямляясь, снизу, со всей силой, данной ему ненавистью, швырнул прут в грудь светлоглазого. Кованое острие пронзило кольчугу.

Кузнец не стал ждать, когда человек свалится с коня, а бросился бежать через двор. За ним послышались крики, топот. Он добежал до дровяного сарая, вцепился пальцами в дубину, прислоненную к стене, и тут же, с полуоборота, вслепую, ударил, опав по морде сивке в зеленой попоне. Конь встал на дыбы, скинул в пыль вранца с солнцем на шлеме. Второй вран, вытаскивая меч, дал коню шпоры, уходя от свистящего замаха дубины. Трое остальных наступали, крича и размахивая оружием. Микула застонал и с натугой описал дубиной круг вокруг себя. Он снова упал в коня, тот заржал и затанцевал на задних ногах. Вран удержался в седле.

Вдруг над плетнем со стороны леса пролетел конь, столкнувшись с сивкой в зеленой попоне. Сивка дернул уздой, повалив высокого врана, пытавшегося сесть в седло. На веря своим глазам, Микула заметил, что новый всадник раздваивается — на юношу в капюшоне, склоненного над гривою, и светловолосого мужчину с мечом, сидящего сзади.

Длинный узкий клинок меча описал молнией два полукруга, и двух вранов смело с седел. Третий, загнанный под дровяной сарай, повернулся к странной паре и получил удар в подбородок, сразу под стальным нагрудником. Светловолосый спрыгнул с коня и пересек двор, отсекая высокого врана от его лошади.

Четвертый вран крутился посреди двора, пытаясь справиться с танцующим конем, косящимся на пылающую кузню. Подняв бердыш, он поглядывал по сторонам и колебался. Наконец, крикнул, прищпорил коня и бросился на юношу, вцепился в конскую гриву. Микула, увидев, как малец откидывает капюшон и срывает со лба повязку, понял свою ошибку. Девушка тряхнула рыжей гривой и крикнула что-то непонятное, выгнув руку в сторону атакующего врана. Из ее пальцев вырвался тонкий луч света, яркого, как ртуть. Вран вылетел из седла, описал в воздухе дугу и рухнул на песок. Конь, роя землю всеми четырьмя копытами, ржал и тряс головой.

Высокий вран с солнцем на шлеме медленно отступал перед светловолосым к пылающей кузнице. Светловолосый бросился вперед, они обменялись ударами. Меч врана отлетел в сторону, а сам он, головой вперед, повис на пронзившем его острие. Светловолосый отступил, рывком вырвал меч. Вран упал на колени, наклонился вперед и зарылся лицом в землю.

Всадник, выбитый из седла молнией рыжеволосой, поднялся на четвереньки и шарил вокруг в поисках оружия. Микула пришел в себя от удивления, сделал два шага, поднял дубину и спустил на голову врана.

— Напрасно, — услышал он рядом с собой.

Девушка в мужской одежде была веснушчатой и зеленоглазой. На ее лбу сверкал странный камень.

— Напрасно, — повторила она.

— Милостивая пани, — простонал кузнец, держа свою дубину, как гвардеец алебарду. — Кузню... спалили.

Парня убили, зарубили. И Радима. Зарубили бандиты. Пани...

Светловолосый дернул ногой те-

ло высокого врана, осмотрел его, после чего подошел, пряча меч.

— Ну, Висенна, — сказал он, — теперь-то уж я вмешался всерьез. Одно лишь меня беспокоит — тех ли я порубил, что нужно?

— Ты кузнец Микула? — спросила Висенна, задирая голову.

— Я. А вы из Дружского Круга, милостивая? Из Майны?

Висенна не ответила, глядя на край

леса, на приближающуюся бегом толпу людей.

— Это свои, — сказал кузнец. — Из Ключа.

ВРАГ не дал захватить себя в пещерах. Они ждали, сидя в седлах, неподвижные, прямые, смотрящие на выходящих из леса мужиков. Ветер, развевший их плащи, делал их похожими на худых хищных птиц с обтрепанными перьями, грозных, вызывающих уважение и страх.

— Восемнадцать, — сосчитал Корин, стоя в стременах. — Все конные. Шесть запасных лошадей. Один воз. Микула! Кузнец быстро перестроил свой отряд. Вооруженные пиками и копьями, присели у края зарослей, уперев древки оружия в землю. Лучники выбрали позиции за деревьями, остальные отступили в чащу.

Один из всадников двинулся в их сторону, приблизился, остановил коня, поднял руку над головой и что-то крикнул. — Ловушка, — буркнул Микула. — Знаю я их, собачьих детей.

— Посмотрим, — сказал Корин, прыгивая с седла. — Идем.

Они вдвоем медленно подошли к конному. Корин заметил, что Висенна идет следом за ними.

Всадник был боболаком.

— Буду говорить коротко, — крикнул он, не спускаясь с коня. Его маленькие блестящие глазки мерцали, полускрытые мехом, которым поросло лицо. — Я нынешний предводитель группы, которую вы видите. Девять боболаков, пятеро людей, трое вранов и один эльф. Остальные мертвы. У нас возникли разногласия. Наш бывший предводитель, который привел нас сюда, находится в пещере, связанный. Можете сделать с ним, что хотите, а мы хотим уехать.

— И точно, речь была не длинной, — фыркнул Микула. — Вы хотите уехать. А мы хотим выпустить вам кишки. Что ты на это скажешь?

Боболак сверкнул острыми зубами и выпрямился в седле.

— Ты думаешь, я предлагаю из страха перед вашей бандой в соломенных шляпах? Пожалуйста, если хотите, мы пройдем по вашим животам. Это наше ремесло, мужик. Я знаю, чем мы рискуем, но даже если часть падет, остальные прорвутся. Такова жизнь.

— Что на возу?

— Одна двадцатая того, что осталось в пещере. Ну, как? Если драться, то лучше сейчас, утром, пока солнце не вышло.

— Пропустим вас, если сложите оружие.

Боболак поерзал в седле, поправил перевязь меча.

— Не выйдет, — коротко буркнул он.

— С оружием вы можете завтра вернуться, — медленно сказал Микула. — Хотя бы за тем, что осталось в пещере.

— Была такая мысль, но после короткой перепалки мы от нее отказались.

— И очень правильно, — сказала вдруг Висенна, выходя из-за Корина и

становясь перед конным. — Очень правильно, что отказались, Кехл.

Корину показалось, что ветер вдруг усилился, завыл среди скал и трав, ударил холодом. Висенна продолжала, говоря не своим, металлическим, голосом:

— Каждый из вас, кто попытается вернуться, умрет. Я вижу это и предсказываю. Уходите отсюда немедленно. Сейчас же. Каждый, кто попытается вернуться, умрет.

Боболак наклонился, посмотрел на чародейку поверх конской гривы. Он был не молод — мех был почти белесый, прорезанный белыми прядями.

— Это ты? Так я и думал. Рад, что... Впрочем, неважно. Я уже сказал, что мы не собираемся сюда возвращаться. Мы пошли с Фрегеналом ради заработка. Теперь это кончилось, и у нас на шее висят Круг и все деревья, а Фрегенал начал бредить о власти над миром. Хватит с нас и его, и этого страшилась с перевала.

Боболак взглянул на край леса, потом оглянулся на неподвижную шеренгу своих всадников. Снова наклонился в седле и взглянул в глаза Висенны.

— Я был против покушения на тебя, — сказал он. — Теперь вижу, что правильно. Если я скажу тебе, что Кошечка — это смерть, ты все равно пойдешь на перевал!

— Да.

Кехл выпрямился, крикнул и помчался к своим. Через минуту конные сформировали колонну и, окружив воз, двинулись в сторону дороги. Микула был уже возле крестьян, уговаривал, успокаивал людей, жажущих крови и мести. Корин и Висенна молча смотрели на проезжающий отряд. Всадники ехали медленно, глядя перед собой, демонстрируя спокойствие и холодное презрение. Только Кехл, минуя их, поднял руку в прощальном жесте, со странным выражением на лице глядя на Висенну. Потом прищипнул коня, помчался вперёд колонны и исчез среди деревьев.

ПЕРВЫЙ труп лежал у самого входа в пещеру, засунутый между мешками с овсом и кучей хвороста. Коридор разветвлялся, и почти сразу за развилкой лежали еще двое.

Все были людьми.

Висенна сняла повязку со дба, дядема излучала яркий свет. Коридор привел в более крупную пещеру, и Корин тихо свистнул сквозь зубы.

У стен стояли сундуки, мешки и бочки, поднимались груды конской упряжи, тюки шерсти, оружие, инструменты. Несколько сундуков были разбиты и пусты, остальные — полные. Проходя, Корин видел матово-зеленые груды яшмы, темные куски жадеита, агаты, опалы, хризопразы и другие камни, которых он не знал. На каменном полу, искрившемся кое-где разбросанными точками золотых, серебряных и медных монет, лежали брошенные кое-как связки мехов — бобров, рысей, лисиц и россомаха.

Висенна, не задержавшись ни на минуту, направилась дальше. Корин спе-

шил за ней, с тоской оглядываясь на сундуки.

— Здесь я, — сказала темная фигура, лежавшая на куче тряпок и шкур, покравававших землю.

Они подошли. Связанный человек был низким, лысым и тучным. Огромный синяк покрывал половину его лица.

Висенна коснулась диадемы, и хвядеон на секунду вспыхнул ярче.

— Это лишнее, — сказала связанный. — Я тебя знаю, забыл только, как тебя зовут. Они напали на меня, когда я спал, забрали мое кольцо, уничтожили палочку. Я бессилён.

— Фрегенал, — сказала Висенна, — ты изменился.

— Висенна, — буркнул толстяк. — Вспомнил. Не ожидал, что прищипю тебя. Я думал, что это будет мужчине, поэтому послал Маниссу. С мужчиной моя Манисса справилась бы.

— Не справились, — похвалился Корин, поглядывая по сторонам. — Хотя будем справедливы к покойнице, старалась как могла.

Висенна оглядела пещеру, уверенно направилась в угол, носком ботинка перевернула камень, и из ямки под ним вытащила глиняный горшочек, завязанный смазанной жиром кожей. Своим золотистым серпом она разрежала ремешок и вытащила сверток пергамента. Фрегенал зловеще следил за ее действиями.

— Смотрите-ка, — сказал он дрожащим от злости голосом. — Талант. Умеем находить укрытые вещи. А что еще мы умеем? Гадать по бараньим кишкам? Лечить вздутие у телок?

Висенна просматривала лист за листом, не обращая на него внимания.

— Интересно, — сказала она наконец. — Одиннадцать лет назад, когда тебя выгнали из Круга, исчезли некоторые страницы из Запрещенных Книг. Хорошо, что они нашлись. Я вижу, ты отважился использовать Двойной Крест Альзура. Сомневаюсь, что ты забыл, как кончил Альзур. Говорят, несколько его созданий еще кружат по миру, в том числе и последний, который своего создателя уничтожил.

Она сложила несколько пергаментов вчетверо, сунула в карман на рукаве кафтана. Затем развернула следующие.

— Ага, — сказала она, хмурая лоб. — Формула Древокозня, слегка измененная. А здесь Треугольник в Треугольнике, способ вызвать серию мутаций и огромный прирост массы тела. А что послужило тебе исходным образцом, Фрегенал, здесь чего-то не хватает. Надеюсь, ты знаешь, о чем я говорю?

— Рад, что ты это заметила, — скрипел волшебник. — Обычный спялек, обычный. Когда этот обычный спялек выйдет с перевала, мир онемев от страха. На мгновение. А потом начнет кричать.

— Хорошо, хорошо. Где заклятия, которых не достаёт?

— Нигде. Я не хотел, чтобы они попали в чужие руки. Особенно в ваши. Мне известно, что Круг мечтает о власти, которую можно иметь благодаря им, но из этого ничего не выйдет. Вам никогда не удастся создать ничего, чем

ты бы наполовину такое грозное, как мой Кошеч.

— Похоже, тебя сильно били по голове, Фрегенал, — спокойно сказала Висенна. — От этого ты еще не можешь нормально мыслить. Кто тут говорит о создании? Такое чудовище нужно уничтожить. Простым способом, используя связующее заклинание, то есть Эффект Зеркала. Конечно, связующее заклинание было подогнано к твоей палочке, поэтому нужно будет переделать его под мой халцедон.

— Слишком много этих «нужно будет», — рявкнул толстяк. — Можешь тут сидеть до судного дня, моя умничавшая панна. С чего ты взяла, что я выдаю тебе связующее заклинание?

— Если хочешь, я могу пнуть тебя пару раз, — Корин улыбнулся. — Это оживит кровообращение. Похоже, ты не понимаешь своего положения, лысая тварь. Через минуту сюда ворвутся мужчины, которым здорово надоела твоя банда. Я слышал, они планируют разорвать тебя на куски четверкой коней. Ты когда-нибудь видел, как это происходит? Сначала обрываются руки...

Фрегенал напрягся, вытаращил глаза и попытался наплевать Корину на ботинки, но в позе, в которой он находился, это было трудно, и он только обрызгал себе бороду.

— Я плюю на ваши угрозы, — фыркнул он. — Вы не сделаете мне ничего, что ты себе вообразил, бродяга! Ты попал в центр дел, которых тебе не дано понять! Спроси ее, почему она здесь! Висенна! Объясни ему все, похороно, он считает тебя благородной избавительницей, сражающейся за благо бедняков! А здесь дело в деньгах, братишка! В больших деньгах!

Висенна молчала. Фрегенал напрягся, скрипя веревками, с трудом перевалился на бок, сгибая ноги в коленях.

— Может, неправда, — крикнул он, — что Круг послал тебя прочистить золотой кран, из которого перестало течь? Ведь это Круг получает прибыль от добычи яшмы и жадеита и берет дань с купцов и караванов за охранные амулеты, которые, как оказалось, на моего Кошеч не действуют!

Висенна молчала. Она смотрела не на связанного, а на Корина.

— Ага! — заорал волшебник. — Ты даже не споришь! Значит, это знают уже все! Когда-то об этом знали только старейшины, а соплячек, вроде тебя, держали в уверенности, что Круг создан только для борьбы со Злом. И не удивительно. Мир изменяется, люди начинают понимать, что без чар и волшебства можно обойтись. Оглянуться не успеете, как окажетесь безработными, вынужденными жить тем, что до сих пор накрали. Вас ничто не интересует, только выгода. А потому сейчас же разажите меня. Вы меня не убьете и не выдадите на смерть, ибо это повлечет дальнейшие потери для Круга. А такого Круг вам не простит, это ясно.

— Все не ясно, — холодно сказала Висенна, скрестив руки на груди. — Видишь ли, Фрегенал, соплячки, вроде меня, не обращают особого внимания на земные блага. Что мне до того, потеряет Круг или приобретет, а может, и

вообще прекратит существовать. Я всегда продержусь, лечу вздутия телок или импотенцию у таких грибов, как ты. Но не это важно, а то, что ты хочешь жить. Фрегенал, и потому машешь хвостом. И сейчас, здесь же, на месте, ты выдашь мне связующие заклинания, а потом сможешь найти Кошеч и уничтожить его. Если же нет... Что ж, я пойду в лес, погуляю, а потом скажу в Круге, что не досмотрела за разъяренными мужиками.

— Ты всегда была цинична, — скрикнул зубами Фрегенал.

— Перестань, Фрегенал, — сказала Друидка. — Скажи, что согласен, и кончим эту игру. Ведь ты же согласен.

Фрегенал зыркнул на нее и отвернулся.

— Разумеется, — прохрипел он. — Разве я похож на идиота? Все хотят жить.

Ф

РЕГЕНАЛ остановился и вытер вспотевший лоб тыльной стороной ладони.

— Там, за скалой, начинается ущелье. На старых картах оно обозначено, как Дур-тан-

Орит, Мышиный Яр. Это ворота Кламата. Здесь нужно оставить лошадей. Верхом нет ни одного шанса подойти к нему незаметно.

— Микула, — сказала Висенна, спешиваясь. — Ждите здесь до вечера, не дольше. Если мы не вернемся, не ходите на перевал ни в коем случае. Возвращайтесь домой. Понял, Микула?

Кузнец кивнул. С ним было всего четверо крестьян. Самых отважных. Остальной отряд растаял по дороге, как снег в мае.

— Понял, пани, — буркнул он, поглядывая на Фрегенала. — Однако странно мне, что вы этому проклятому доверяете. По-моему, мужики были правы. Голову ему нужно было оторвать.

Висенна не ответила. Прикрыв глаза ладонью, она смотрела вверх, на вход в ущелье.

— Веди, Фрегенал, — скомандовал Корин, подтягивая пояс.

Они двинулись.

Через полчаса им попался первый воз, перевернутый и разбитый. За ним второй, со сломанным колесом. Скелеты лошадей. Скелет человека, второй, третий, четвертый... Груда поломанных, раздробленных костей.

— Сужин ты сын, — тихо сказал Корин, глядя на череп, сквозь глазницы которого уже проросла крапива. — Это купцы, верно? Не знаю, что меня удерживает от того, чтобы...

— Мы договорились... — торопливо прервал его Фрегенал. — Договорились. Я сказал все, Висенна. Я помогаю вам и веду вас. Мы договорились!

Корин сплюнул. Висенна взглянула на него, потом повернулась к волшебнику:

— Мы договорились — подтвердила она. — Поможешь мне его найти и уничтожить, потом пойдешь своей дорогой.

— Уничтожить, уничтожить... Висенна,

еще раз предлагаю, погрузи его в ледяную таргю, парализуй, но не уничтожай. Он стоит целое состояние. Ты всегда можешь...

— Перестань, Фрегенал. Мы уже говорили об этом. Веди дальше.

Они осторожно обогнули скелеты.

— Висенна, — просипел через некоторое время Фрегенал. — Ты представляешь себе весь риск? Если инверсия не подействует, с нами все будет кончено. Я видел, что он может.

Висенна остановилась.

— Не крути, — сказала она. — За кого ты меня принимаешь? Инверсия подействует, если...

— Если ты нас не обманул, — закончил Корин глухим от ненависти голосом. — А если обманул... Ты сказал, что знаешь, на что он способен. А знаешь ли ты, на что способен я? Я знаю такой удар, после которого у тебя останется одно ухо, одна щека и половина челюсти. Это можно пережить, но после этого уже не поиграешь на флейте.

— Висенна, успокой этого убийцу, — бледнея, пробормотал Фрегенал. — Объясни, что я не мог тебя обмануть, что ты почувствовала бы...

— Не болтай так много, Фрегенал. Веди.

Дальше были другие телеги. И другие скелеты. Перемешанные, перепутанные, белеющие в траве грудные клетки, торчащие из трещин берцовые кости, кричащие ухмыляющиеся черепа. Корин молчал, сжимая в потной руке рукоять меча.

— Осторожнее, — просипел Фрегенал. — Мы уже близко. Идите тихо.

— На каком расстоянии он реагирует? Фрегенал, я тебе говорю.

— Я дам знак.

Они пошли дальше, поглядывая на стены ущелья, крутые, поросшие причудливыми кустами, с расщелинами и осыпями.

— Висенна? Ты уже чувствуешь его? — Да, но неясно. Какое расстояние, Фрегенал?

— Я дам знак. Жаль, что не могу тебе помочь. Без палочки и кольца я ничего не могу сделать. Я бессильна. Разве что...

— Что «разве что»?

— А вот это!

Со скоростью, которую трудно было от него ожидать, толстяк схватил с земли обломок камня и ударил Висенну по затылку. Друидка беззвучно упала лицом вниз. Корин махнул вынутым мечом, но волшебник оказался невероятно увертливым. Он упал на четвереньки, спасаясь от клинка, перекатился под ноги Корина и камнем, которого не выпустил из рук, ударил по колену. Корин завыл и упал, боль на мгновение лишила дыхания, потом волной тошноты подступила к горлу. Фрегенал вскопчил, как кот, примериваясь для второго удара.

Пестрая птица камнем упала сверху, скользя по лицу черодея. Фрегенал отскочил, размахивая руками, выпустил камень. Корин, опершись на локте, махнул мечом, на волосок не достав до щиколотки толстяка, тот же повернулся и бросился назад, к Мышиному Яру, крича и хохоча. Корин попробовал

встать и преследовать его, но в глазах у него потемнело, и он снова упал, погнав след чародею ругательства.

Оказавшись в безопасности, Фрегенал оглянулся и остановился.

— Эх ты, ведьма-растяпа! — закричал он. — Хотела перехитрить Фрегенала? Великодушно даровать ему жизнь? Думала, я буду спокойно смотреть, как ты его убиваешь?

Корин, не переставая ругаться, массировал колено, успокаивая пульсирующую боль. Висенна лежала неподвижно. — Идет! — крикнул Фрегенал. — Смотрите! Наслаждайтесь зрелищем, ибо через минуту мой Кощей вырвет ваши глаза! Он уже идет!

Корин оглянулся. Из-за скальной осыпи в каких-нибудь ста шагах показались суставы согнутых лапучьих ног. Через минуту поверх камней с грохотом проползло по крайней мере шестиметровое в диаметре туловище, плоское, как тарелка, землисто-ржавое, шершавое, покрытое колючими наростами. Четыре пары ног размеренно переступали, неся тело по рыхлой осыпи, первая пара непропорционально длинных конечностей была вооружена мощными рачьими клешнями, ошестинившимися рядами острых шипов.

— Это сон, — мелькнуло в голове у Корина. — Это кошмар и нужно проснуться. Крикнуть и проснуться. Крикнуть. Крикнуть. Крикнуть...

Забыв о болящем колене, он подскокил к Висенне, дергая ее безвольную руку. Волосы Друидки пропитались

кровью, стекающей по затылку. — Висенна... — выдавил он из парализованного страхом горла. — Висенна...

Фрегенал разразился безумным смехом, эхом отразившимся от стен ущелья. Смех этот заглушил шаги Микулы, бежавшего с топором в руке. Фрегенал заметил его, когда было уже слишком поздно. Топор ударил его в позвоночник. С ревом боли волшебник рухнул на землю, вырывая рукоять из рук Микулы. Кузнец наступил на него, вырвал топор и замахнулся еще раз. Голова Фрегенала покатила по склону.

Корин хромал по камням, таща за собой Висенну, безвольную и мягкую. Микула подбежал к ним, схватил девушку, без труда закинул ее на плечо и побежал. Корин, хоть и освобожденный от тяжести, не поспевал за ним. Он оглянулся — Кощей двигался к нему, скрипя суставами, вытянутые клешни расчесывали редкую траву, скрежетали о камни.

— Микула! — отчаянно крикнул Корин.

Кузнец оглянулся, положил Висенну на землю, подбежал к Корину, подставил ему плечо, и они побежали вместе. Кощей заторопился, поднимая костлявые лапы.

— Не успеть, — просипел Микула, оглядываясь. — Не уйти...

Они добежали до Висенны, лежавшей навзничь.

И тут Корин вспомнил. Он сорвал с пояса Висенны ее кошель, вытряхнул

его содержимое и, не обращая внимания на другие предметы, схватил ржавый, покрытый рунными знаками, кусок минерала, раздвинул рыжие, смоченные кровью волосы и прижал гематит к ране. Кровь тут же перестала течь.

— Корин! — крикнул Микула.

Кощей был уже близко. Он широко расставил лапы, его зубастые клешни раскрылись. Микула видел его вращающиеся на столбиках глаза и скрежещущие под ними полукруглые челюсти.

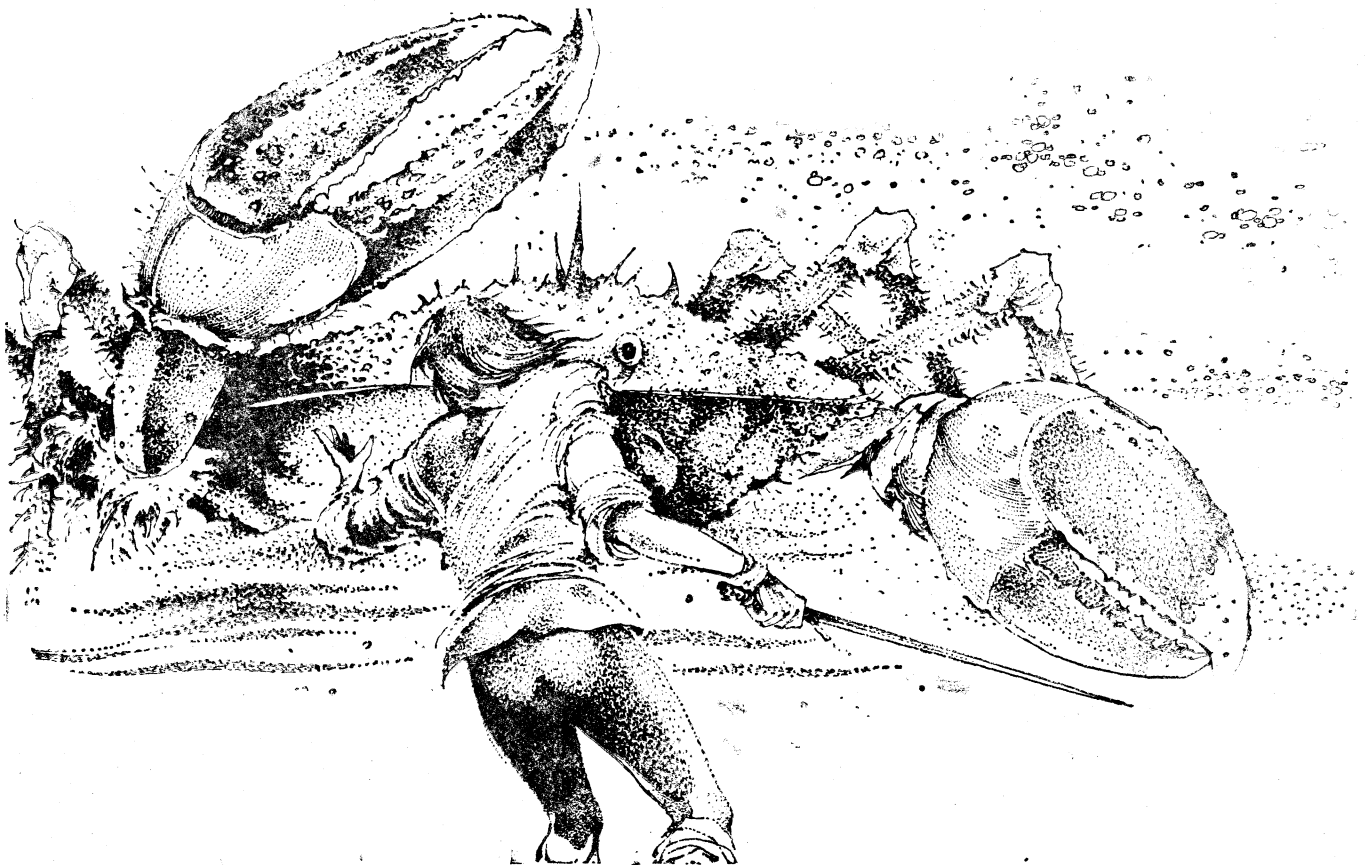
— Корин!

Корин не реагировал, он что-то шептал, не отрывая гематита от раны. Микула схватил его за плечо, оторвал от Висенны, схватил Друидку в объятия. Они снова побежали. Кощей, поджав лапы, заскрежетал по камню хитиновым животом и резко помчался за ними. Микула понял, что шансов у них нет.

И тут со стороны Мышиного Яра показался мчащийся всадник в кожаной куртке, в кольчуге из железных колец, с поднятым над головой широким мечом. На косматом лице горели маленькие глазки и сверкали острые зубы.

С воинственным криком Кехл налетел на Кощею. Однако, прежде, чем он добрался до чудовища, страшные лапы сошлись, поймав коня в шипастые клешни. Боболак вылетел из седла и покатился по земле.

Без видимого усилия Кощей поднял коня клешнями и насадил на острые шпиль, торчащий спереди туловища. Серповидные жвалы сжались, кровь животного брызнула на камни.

МИКУЛА подскокил, поднял с земли боблака, однако тот отпихнул его, схватил меч, крикнул так, что заглушил предсмертный визг животного, и бросился на Кощея. С обезьяньей ловкостью он проскользнул под костистым локтем чудовища и со всех сил рубанул по глазу. Кощей зашипел, выпустил коня, раскинул лапы в стороны, зацепив Кехла острыми шипами, поднял с земли и швырнул в сторону, на осыпь. Кехл рухнул на камни, выпустил меч. Кощей сделал полуоборот, вытянул лапы и схватил его. Маленькая фигурка боблака повисла в воздухе.

Микула яростно заорал, в два прыжка подскокил к чудовищу, размахнулся и рубанул бердышом по хитиновому туловищу. Корин, оставив Висенну, не задумываясь, подбежал с другой стороны и, держа меч обеими руками, с размаху вонзил его в щель между панцирем и лапой. Напирая грудью на рукоять, он продвинул острие до самой гарды. Микула ударил еще раз. Панцирь лопнул, хлынула зеленая вонючая жидкость. Кощей, шипя, выпустил боблака, поднял клешни. Упершись ногами в землю, Корин дернул рубанок меча, но напрасно.

— Микула! — крикнул он. — Назад! Оба бросились бежать в разные стороны.

Кощей колебался, скрежетнул брюхом по скале и направился вперед, прямо на Висенну, которая, свесив голову, пыталась подняться на четвереньки. Прямо над ней в воздухе повисла пестрая птица, хлопая крыльями и крича, крича, крича...

Кощей был рядом. Оба, и Микула, и Корин, одновременно преградили дорогу чудовищу.

Кощей, не останавливаясь, развел лапы.

— В сторону! — крикнула Висенна, стоя на коленях и поднимая руки. — Корин! В сторону!

Оба отскочили, прижавшись к стене ущелья.

— Хененна фирезот керелант! — пронзительно крикнула чародейка, выбросив руки в направлении Кощея. Микула увидел, как что-то невидимое движется от нее к чудовищу. Трава стелилась по земле, а мелкие камушки откатывались в стороны, как будто отбрасываемые тяжестью огромного шара, катящегося с растущей скоростью. Из ладони Висенны вырвалась ослепляющая, яркая, зигзагообразная полоса света, ударила в Кощея, размазалась по панцирю сеткой языков огня. Воздух разорвал оглушительный грохот, и Кощей взорвался фронтом зеленой жижи, тучей обломков хитина, ног, внутренностей. Все это взлетело вверх, градом посыпавшись вокруг, забарабанило по камням, зашлепело в зарослях. Микула присел, обеими руками закрывая голову.

Было тихо. Там, где минуту назад стояло чудовище, чернела и дымилась круглая воронка, обрызганная зеленой жидкостью, усеянная отаргательными, трудно узнаваемыми частями тела.

Корин, вытирая с лица зеленые пятна, помог Висенне встать. Она вся дрожала,

Микула склонился над Кехлом. Глаза у боблака были открыты. Толстая куртка из кошковой шкуры была изодрана в клочья, под которыми виднелось то, что осталось от руки и плеча. Кузнец хотел что-то сказать, но не смог. Подошел Корин, поддерживающий Висенну, и боблак повернул голову в их сторону. Корин взглянул на его плечо и с трудом проглотил слюну.

— Висенна, — прошептала Корин, умоляюще глядя на чародейку.

— Мне не справиться, Корин, — сказала Висенна дрожащим голосом. — Этот организм, это тело... Законы, которым оно подчиняется, совершенно отличны от людских... Микула... не трогай его...

— Ты вернул, боблак, — прошептала Микула. — Зачем?

— Затем, что законы, которым я подчиняюсь, отличаются... от людских, — сказал Кехл, гордо, хотя с явным трудом. Струйка крови вытекала из его рта, пачка пепельный мех. Он повернул голову и взглянул в глаза Висенны.

— Ну, рыжая ведьма! Сбылось твое предсказание... Помоги мне!

— Нет! — крикнула Висенна.

— Да, — сказал Кехл. — Так нужно. Уже пора.

— Висенна, — выдохнул Корин с выражением ужаса на лице. — Неужели ты хочешь...

— Уйдите! — крикнула Друидка, сдерживая рыдания. — Уйдите оба!

Глядя куда-то в сторону, Микула потянул Корина за плечо. Тот покорился. Он еще увидел, как Висенна склоняется над боблаком, осторожно гладит его лоб, касается вихра. Кехл вздрогнул, вытянулся и застыл, неподвижный.

Висенна плакала.

ПЕСТРАЯ птица, сидевшая на плече Висенны, склонила голову, уставившись в округлый, неподвижный глаз чародейки. Конь плелся по разбитой дороге, небо было кобальтовым и чистым.

— Тьют тьют трк, — сказала Пестрая Птица.

— Возможно, — согласилась Висенна. — Но не в том дело. Ты не понял меня. У меня нет претензии. Конечно, мне неприятно, что обо всем я узнала только от Фрегенала, а не от тебя. Но я знаю тебя уже много лет и знаю, что ты не болтлив. Думаю, что спроси я прямо, получила бы ответ.

— Трк, тьют?

— Конечно. Уже давно. Но сам знаешь, как у нас бывает. Одна великая тайна, все тайное, секретное. Впрочем, это только вопрос размера. Я тоже не отказывалась от платы за лечение, если кто-то мне ее дает, и я знаю, что он может себе это позволить. Знаю, что за некоторые виды услуг Круг требует высокой платы. И правильно, все дорожает, а жить нужно. Не в том дело.

— Твикиит. — Птица переступила с ноги на ножку. — Корриин.

— Догадли, — горько усмехнулась Висенна, наклонив голову в сторону Птицы и позволив, чтобы та легонько коснулась клювиком ее щеки. — Именно это меня и печалит. Я видела, как она на меня смотрит. Насерно, думал; ма-

ло того, что ведьма, так еще и двуличная ловкачка, жадная и расчетливая.

— Тьют трк трк трк тьютит?

Висенна повернула голову.

— Ну, не все так плохо, — буркнула она, щуря глаза. — Как ты знаешь, я не ребенок и не теряю головы так легко. Хотя, нужно признать... Я слишком долго брожу одиноко по... Но это не твое дело.

Птица молчала, топорща перышки. Лес был все ближе, видно было дорогу, исчезающую в чаще, под порталом кром.

— Слушай, — сказала Висенна после паузы. — Как, по-твоему, это может выглядеть в будущем? Действительно, возможно, что люди перестанут в нас нуждаться? Хотя бы в лечении? Да, они научились применять целебные травы, но разве представить, что когда-то они справятся с крупом? С родильной горячкой? Со столбняком?

— Твик, твит.

— Тоже мне ответ. Теоретически возможно и то, что наш конь сейчас включится в разговор. И скажет что-нибудь умное. А что ты скажешь о раке? И с раком они справятся? Без магии?

— Тррк!

— И я так думаю.

Они въехали в лес, пахнущий холодом и сыростью. Пересекли мелкий ручеек. Висенна поднялась по склону, потом спустилась вниз среди вереска, достоящего до стеган, и снова нашла дорогу — песчаную, заросшую. Она уже ехала по ней, всего три дня назад. Правда, в другом направлении.

— Мне кажется, — снова заговорила она, — что неплохо бы кое-что и у нас заменить. Мы коснем, ухватившись за традиции. Как только вернусь..

— Твит, — прервала ее Пестрая Птица.

— Что?

— Твит.

— Что ты хочешь сказать? Почему бы и нет?

— Трррк.

— Какая надпись? На каком снова столбе?

Птица, трепеща крыльями, сорвалась с ее плеча, исчезла среди листьев.

Корин сидел, прислонившись спиной к столбу на развилке, и разглядывал ее с дерзкой улыбкой. Висенна прыгнула с коня, подошла ближе. Она чувствовала, что тоже улыбается, против своей воли, более того, подозревала, что ее улыбка выглядела глупо.

— Висенна, — воскликнул Корин, — признайся, ты, случайно, не отуманила меня чарами? Я испытываю огромную радость от этой встречи, просто ненормальную радость. Тьфу, тьфу, сгинь — пропади. Это чары, точно.

— Ты ждал меня?

— Ты невероятно пооницательна. Видишь ли, я проснулся утром и увидел, что ты уехала. Как мило с ее стороны, подумал я, что не стала меня будить для такой глупости, как прощание, без которого можно отлично обойтись. Кто в наши времена прощается? Это просто предрассудки. Правда? Повернулся я на другой бок и сплю дальше. Только после завтрака вспомнил, что должен сказать тебе что-то очень важное, вскочил

на добытого коня и поехал напрямик.

— И что же такого ты хочешь мне сказать? — спросила Висенна, подходя ближе и задирая голову, чтобы взглянуть в голубые глаза, которые прошлой ночью видела во сне.

Корин широко улыбнулся.

— Дело это деликатного свойства, — сказал он, — и нельзя его объяснить в двух словах. Не знаю, успею ли до темноты.

— Ну, хотя бы начни.

— В том-то и дело, что не знаю, как.

— У пана Корина нет слов, — покачала головой Висенна, продолжая улыаться. — Абсолютно невероятное дело. Начни с начала.

— Неплохая мысль, — Корин сделал вид, что посерьезнел. — Видишь ли, Висенна, прошло уже много времени, как я одиноко брожу...

— По лесам и дорогам, — закончила чародейка, закидывая руки ему на шею.

Пестрая Птица высоко на ветви дерева махнула крыльями, распрямилась, задрала голову...

— Тррр твит твиит, — сказала она.

Висенна оторвала губы от губ Корина, взглянула на Птицу и подмигнула.

— Ты был прав, — ответила она. — Это действительно дорога, с которой не возвращаются. Лети, скажи им...

Она заколебалась, потом махнула рукой.

— Ничего им не говори...

НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, читатель «ПиФа» познакомился с рассказом, написанным в жанре «фэнтези». Жанр этот широко распространен в англоязычной литературе и сравнительно мало известен нашему читателю. Типичные герои «фэнтези» — гномы, драконы, тролли, ведьмы и прочие сказочные персонажи. Из известных читателю произведений, относящихся к этому жанру, можно назвать роман К. Саймака «Заповедник гоблинов» и повесть А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу».

«Фэнтези» часто соседствует с героической фантастикой, оба эти жанра сливаются воедино, давая произведению засверкать новыми красками. Рассказ польского писателя Анджея Сапковского «Дорога, с которой не возвращаются» относится именно к такому симбиозу.

«Героическая фэнтези», как увеличительное стекло, крупным планом преподносит читателю свои достоинства и недостатки. Лихо закрученная пружина действия и мистицизм, благородный герой и натуралистические сцены убийств, выписанные по принципу: чем страшнее, тем лучше, сказочная форма и язык, далеко не всегда отличающийся, мягко говоря, изысканностью. Впрочем, судить обо всем этом читателю...

Станислав МЕШАВКИН

ШАГИ

Уилбэр Д. Стил

В НЕБОЛЬШОМ приморском городке работал слепой сапожник по имени Боаз Негро. Он никогда не унывал: в нем жила неистребимая радость и жизнелюбие. Просыпаясь по утрам, он потягивался, расправляя сильные плечи и мускулистые руки, и шел к себе в мастерскую. Его мощный глубокий голос гремел в мастерской и был слышен на улице — Боаз пел песню. Рыбаки, занятые с раннего утра всеми снастями, говорили, слыша его голос: «Боаз уже за работой».

Как и во всех маленьких городках, сапожная мастерская была здесь своего рода клубом, где всегда многолюдно. Сюда приходили посидеть, посмотреть, как работает Боаз, поболтать. В мастерской Негро в основном собиралась молодежь. Несмотря на то, что у него был взрослый сын, а на голове — не так уж мало седых волос, ему не хотелось иметь дело со стариками. Скамьи в его мастерской предназначались для здоровых, отчаянных молодых парней, которые ночью напролет могли сидеть за столом, а в три утра пойти гулять под дождем, горланя песни, толкаясь и подшучивая друг над другом.

И все-таки оставалось непонятным, каким образом Боазу удалось сохранить такое жизнелюбие. У него была любимая жена. Но судьба, наградившая его слепотой, отняла Анжелину, и трое их сыновей умерли один за другим. Уцелел лишь четвертый — Мануэль. И через все эти несчастья Негро сумел пронести свое неиссякаемое жизнелюбие. Ему помогала работа. Она спасала его. Работа! Работа! И не только днями, но и по ночам, если заказов было много.

Их один человек за час пройтись вечером мимо его ма-

стерской незамеченным. Не более дюжины шагов — и из мастерской слышался зычный голос Негро: «Добрый вечер, Калеб!» или «Добрый вечер, Антон!»

У Негро был свой небольшой двухэтажный домик, соединявшийся крытым переходом с мастерской. Двери мастерской выходили прямо на тротуар.

Для Мануэля у Боаза всегда была приготовлена бумажка в один, пять или даже десять долларов на расходы. Его сын был «хорошим парнем»; Боаз не просто говорил так, он верил в это, и на душе его было спокойно. О многих чужих детях он знал гораздо больше, чем о собственном сыне. Просто и себе, и другим он говорил, что Мануэль рос «слабым». Его сын и в самом деле не отличался крепким телосложением. Да и с чего ему быть здоровым, если он никогда не работал! Да и зачем ему работать! Он ведь всегда получал от отца деньги на расходы. Бесшабашные здоровые молодые парни по-своему любили Негро и потому соглашались, что Мануэль был «слабым». Лишь потом многие из них присоединились к общему осуждению чрезмерной отцовской доброты: «Испортит парня!», «Он должен был сказать Мануэлю: «Послушай, если хочешь иметь деньги, то пойдй и заработай их!».

И все-таки один человек говорил об этом Боазу прямо. Этим человеком был Кэмпбел Вуд. А он-то никогда не сидел в мастерской.

В каждом небольшом городке есть хотя бы один молодой человек, о котором говорят: «Этот далеко пойдет». О Кэмпбеле Вуде говорили именно так. Приехал он в городок издали и устроился служащим в банк. Вуд снимал одну из комнат на втором этаже в доме Негро. На первом этаже жили Боаз и его сын. Женщина, приходившая убирать в комнате Негро, наводила чистоту и у Вуда.

У всех, кто имел дело с Вудом, появлялось ощущение его непогрешимой правильности. Он выделялся своей аккуратностью, серьезностью и хорошими манерами. Вуд никогда не хлопал знакомых по плечу, но в то же время и не проходил молча. Возвращаясь из банка, Вуд всегда говорил сапожнику несколько слов о погоде или еще о чем-нибудь, или просто приветствовал его.

В тот вечер Вуд, возвращаясь из банка и видя, что в мастерской гостей нет, остановился, чтобы снова поговорить с Боазом о его сыне:

— Вы никогда не задумывались о том, что Мануэля пора научить ремеслу!

— Ремесло сапожника хорошо для слепого, — ответил Боаз, как бы защищаясь.

— Ну, не знаю. По крайней мере это лучше, чем вообще ничего не делать.

Боаз опустил молоток и сидел, ничего не отвечая. Его обычные слова «Мануэль слабый» казались сейчас неуместными. Он ненавидел Вуда, он презирал его и почувствовал растущее раздражение. Как он мог говорить такое! Ведь Мануэль мог слышать. Мануэль действительно слышал! Боаз сидел в крошечной тьме; ни единого звука не доносилось до его ушей — ни шороха, ни шага, ни скрипа половицы. И все-таки каким-то шестым чувством он ощущал что Мануэль стоял в темном проходе между мастерской и домом.

И все-таки Боаз произнес обычные:

— Мануэль — хороший парень!

— Да... Конечно... Он... я думаю, хороший. — Вуд как-то милово поехился. — Ну ладно. Мне пора бежать. Я... О, черт!

Что-то происходило. Боаз слышал восклицания, отрывистое дыхание, шорох одежды от размахистых, отчаянных попыток удержать какой-то предмет. Потом раздался стук об пол и вместе с ним звон металла. Он все понял. Вуд не удержал мешочек с монетами под пальто, и тот выскользнул и упал.

И Мануэль слышал! Его сын, «хороший парень», стоящий в темном проходе и видимый только слепому, услышал звук упавшего золота.

Боаз сидел неподвижно, на лбу выступили крупные капли пота. Он почти не понимал того, что бормотал Вуд. До него доходили обрывки фраз:

— Казенные деньги... понимаете, для строительства воллолома... слишком многим известно... не доверяю сейфу... нет...

Смысл фраз сводился к тому, что в банк привезли деньги и об этом знало много людей. Короче, Вуд был не только добропорядочным, но и хитрым. Кому могло прийти в голову, что именно этим вечером Вуд отнес деньги к себе в комнату!

Вуд сожалел, что мешок с монетами выпал; ему не хотелось, чтобы об этом знал кто-нибудь еще, даже Боаз, даже случайно. С другой стороны, как удачно, что это был именно Боаз, а не кто-то другой. Подумав обо всем этом, Вуд немного успокоился:

— Я доверяю вам, мистер Негро, как самому себе (это была одна из фраз, которая запомнилась сапожнику). Ведь тут, кроме вас, никого нет. Я пойду к себе наверх и брошу мешок под кровать.

Этим вечером Боаз не ужинал. Первый раз в жизни кусок хлеба не лез в горло. Он сидел над нетронутой тарелкой и смотрел невидящими глазами на Мануэля, стараясь уловить каждое движение губ, каждое слово, интонацию, дыхание. Трудно сказать, что он пытался узнать.

Когда они поднялись из-за стола, Боаз сделал еще одно усилие:

— Мануэль, ты хороший парень!

Эта обычная фраза прозвучала сейчас как мольба и как приказание одновременно.

— Мануэль, у тебя, наверно, кончились деньги. Вот смотри. Десять долларов. Иди и развлекись.

Он бы испугался, если бы Мануэль, нарушив традицию, не взял деньги. Но и то, что сын жадно схватил бумажку, не успокоило его.

Он пошел в мастерскую, где было уже темно, сел на стул, пододвинул колодку, инструмент и кожу. Приготовившись к работе, Боаз замер. Он слушал...

Для него не было разницы между днем и ночью. Ночь, если он работал, была днем... И все же времена суток отличались, он знал это ушами. День был широким полотном из звуков: голоса, шаги, шум колес, далекие свистки и гудки, жужжанье мух. Ночью все было иначе. Так же слышались голоса и звуки шагов, но реже. Возникали они как-то неожиданно, из тишины, и постепенно пропадали, растворяясь в ночи.

В тот вечер дул восточный ветер с моря и нес с собой шум волн. Все остальные звуки, как и тишина, были обычными. Боаз вслушивался. Он слышал шаги. История этой ночи писалась для него звуками шагов.

Звук шагов доносился с первого этажа, шаги раздавались

там и тут, приближались и удалялись, надолго замирая. И это бесконечное, бесцельное хождение давило на нервы. Боаз приподнялся на стуле, ему хотелось пошевелиться, показать свое присутствие, как-то разорвать это напряженное нервное давление. Он снова опустился на стул; необъяснимое бессилие свидетеля удерживало его.

НАВЕРХУ тоже раздавались шаги, очень слабые, слышимые скорее каким-то внутренним слухом.

Шло время. Потом боаз услышал голоса, Вуд, должно быть, открыл дверь и вышел на лестничную площадку. Судя по голосу, он стоял именно там, может быть, глядя вниз или прислушиваясь.

— Ну, что там! — крикнул он. — Почему ты не спишь!

Пауза. Затем послышался голос Мануэля:

— Не спится.

— Мне тоже. Послушай, ты играешь в карты!

— Иногда играю.

— Ну, тогда, может быть, ты поднимаешься — и мы сыграем, Мануэль! Ты же все равно не можешь уснуть!

— Ладно.

Шаги снизу присоединились к шагам наверху. Закрылась дверь.

Боаз продолжал неподвижно сидеть на стуле. Ему даже показалось, что он перестал дышать, только со лба скатывались капельки пота. Ему надо было побежать, подняться по лестнице, заколотить кулаками по той двери. Но он не мог двинуться с места.

Иногда слышались шаги на тротуаре. Прошел полицейский Рагг. Услышав, что в мастерской тихо, он буркнул: — Сегодня Боаз спит.

Ветер усилился. Городской колокол пробил полночь.

И еще раз этой ночью много времени спустя Боаз услышал шаги. Они осторожно, не спеша обогнули мастерскую со стороны дома и исчезли в шуме сильного ветра.

Боаз напрягся. У него возникло желание соскочить, распахнуть дверь, закричать в ночь:

— Стой! Что ты там делаешь! Куда идешь!

И опять его охватило какое-то странное бессилие.

Наступила тишина, но он продолжал вслушиваться. Два два, как будто очнувшись, он брался за молоток, но опять погружался в неподвижность.

Поскольку ветер дул от мастерской к дому, Боаз ничего не знал до тех пор, пока не поднялась тревога, шум и крики.

— Пожар! — услышал он голоса на улице. — Пожар! Пожар!

Только потом Негро понял, что горел его собственный дом.

На рассвете нашли тело, если то, что осталось после пожара, можно было назвать телом. Казалось невероятным, что жилец этой комнаты, не инвалид, а здоровый молодой человек, не смог спастись. Пожар начался на верхнем этаже, лестница сгорела последней. Человек должен был проснуться, даже если он спал.

Но он не спал. Человек не спит одетым, а на обгоревшем скрюченном теле были остатки одежды, часы, заколка на галстуке. Все, в чем последние восемь месяцев Кэмпбел Вуд появлялся в банке каждое утро. Череп пробит каким-то тупым предметом. Неподдалену на обгоревшем полу лежала металлическая ножка от старой каминной подставки для дров.

Достаточно было мистеру Уайтлоу появиться в банке и обнаружить отсутствие крупной суммы, чтобы стали известны скандальные подробности.

— Где Мануэль!

Боаз Негро все еще сидел в своей мастерской, неподвижный, как снапа. Он потерял дом — результат своей многолетней работы. Похоже было, что он потерял и сына, и куда-то пропало его неиссякаемое жизнелюбие.

— Где Мануэль!

Когда Боаз заговорил, его голос звучал совершенно беззвучно.

— Да, где Мануэль! — ответил он вопросом на вопрос.

— Когда вы видели его в последний раз!

Никто, казалось, не обратил внимания на очередную нелепость подобного вопроса.

— За ужином.

— Скажите, Боаз, вы знали об этих деньгах?

Сапожник утвердительно кивнул.

— А Мануэль!

Он имел полное право ответить, что не знает. Действительно, откуда он мог знать, что известно Мануэлю. Но он опять утвердительно кивнул головой.

— После ужина вы были в мастерской, Боаз. Вы слышали что-нибудь!

Боаз рассказал им все, что слышал той ночью: шаги вверху и наверху, необычный разговор. В его словах было только то, что слышали его уши. О неясных мыслях, смутных подозрениях, о своем понимании звуков Боаз Negro не сказал. Поражало отсутствие в нем каких-либо эмоций. Еще более удивительным казалось это безразличие тем, кто знал его прежнюю неиссякаемую жизнерадостность. Когда спрашивающие собрались уходить, Боаз закончил:

— Сейчас я потерял все. Мой дом. Моего последнего сына. Даже свою честь. Вы думаете, я не хочу жить! Нет. Я буду жить. Я буду работать. Этот пёс когда-нибудь вернется сюда. Я вам всем покажу этого пса.

(С этих пор он называл сбегавшего преступника не иначе как пёс).

Когда его начали уверять, что преступник обязательно вернется и гораздо раньше, чем он думает, к тому же к петлей на шею, Боаз начал головой:

— Нет. Сейчас вы не понимаете этого пса, но когда-нибудь...

И было в его бесстрастности что-то вечное.

ШШЛО время. Преступника искали повсюду. Устраивали засады, рассылали описания, расклеивали плакаты, объявляли награду за поимку. Но Мануэля Negro так и не разыскали.

Теперь молодежь уже не собиралась в мастерской. Сам Боаз тоже переменялся. Он замкнулся в себе и, казалось, превратился в глухонемого вдобавок к своей слепоте. Последнее несколько лет Боаз почти не выходил из мастерской. И когда туда входили те, кому отказали другие сапожники, они видели в полутемном помещении неподвижную молчаливую фигуру. Только руки слепого проявляли признаки жизни. Они не знали покоя.

От постоянного труда руки его крепили, в них сконцентрировалась вся физическая сила, а все чувства сосредоточились в ушах. Одним словом, Боаз Negro превратился в пару рук и ушей. Да и мог ли стать иным человек, внимательно вслушивающийся в окружающие звуки в течение девяти лет!

Первые три года он ждал, когда же послышатся шаги. Следующие три года он думал, услышат ли он эти шаги вообще. И только в последние три года его начали одолевать сомнения. Они подрывали его огромную моральную силу и решимость исполнить задуманное. Возможно, это был признак старости.

А вдруг слух в конце концов подведет его! Вдруг этот пёс придет и уйдет, а он, Боаз, живущий в искаженном воспоминании, упустит его, так и не узнав! А что, если это уже случилось!

А вдруг наоборот. Он услышит шаги, услышит их в мастерской, нападет... А потом окажется, что это совершенно невиновный человек... А вдруг...

Не было для него ничего страшнее этого предательского сомнения. Его волосы стали совсем седыми. С утра и до вечера его не отпускала одна мысль: как узнать! как не ошибиться!

ЭТО случилось в рождественские праздники. На улице было шумно, слышались песни и смех. Во всех домах светились окна, даже в мастерской Боазы Negro горела лампа — у него сидел заказчик. Боаз подал заказчику отремонтированные ботинки, и тот ушел. Свет был не нужен Боазу. Он наклонился вперед, определяя положение лампы по теплу, и уже набрал воздуха, чтобы дунуть, как вдруг снова выпрямился.

Не было ничего удивительного в том, что он услышал звук шагов уже в мастерской. Как раз в этот момент по улице проходила шумная праздничная толпа.

Боаз замер. Внешне он оставался спокойным, но нервы напряглись, а мышцы до боли сжались. Да! Нет! Он слышал звук лишь одного шага, одного единственного шага...

ма на половицу, и все. Боже! Он не мог определить точно.

Сделав над собой невероятное усилие, Боаз проговорил:

— Чем могу быть полезен!

— Я... Я не знаю. По правде говоря...

Голос был незнакомым, но голос можно изменить. Боаз сдерживался. Лицо его оставалось бесстрастным, даже несколько беспомощным.

— Я плохо слышу, — сказал он. — Подойдите поближе.

Человек прошел половину расстояния от дверей до стула и, похуже, остановился в нерешительности. В голосе его тоже звучала неуверенность:

— Я просто проходил мимо. У меня есть пара... Вы ремонтируете туфли!

Боаз утвердительно кивнул головой. Но это был не ответ на вопрос. Он слушал шаги и теперь не сомневался. Мышечное напряжение спало. Боаз успокоился.

Вновь послышался голос, и уверенности в нем стало еще меньше:

— Я не захватил с собой туфли. Я просто... Спросить...

Удивительное ощущение покоя не покидало Боазу.

— Подождите, — он наклонил голову, как будто прислушиваясь к ветру. — Сегодня холодно. Вы не закрыли за собой дверь. Подождите!

Боаз наклонился, его рука ухватила конец веревки, висевшей у стула. Движение было плавным и точным.

Один мощный рывок — и входная дверь с легким хлопком защелкнулась на замок, вместе с входной захлопнулась и дверь, ведущая в дом. Подавшись вперед, Боаз загасил лампу. В мастерской наступила полнейшая тишина.

БОАЗ слушал. Сидя на краю стула, полусогнувшись, наклонив голову на одну сторону, он сконцентрировал все внимание на тишине.

Не было слышно ни дыхания, ни скрипа половиц, ни малейшего шороха одежды. Эта давящая тишина испугала Боазу. Вслушиваться стало физически невыносимо. Он начал бороться против растущего желания закричать, прыгнуть, рвануться вперед наугад... Пот стекал за ворот рубашки. Он крепко вцепился в подлокотник стула и закурил губу, чтобы не закричать.

И вдруг в центре комнаты, прямо перед собой, он услышал резкий, мучительный и испуганный стон-выдох.

Оттолкнувшись от подлокотников, Боаз прыгнул...

На улице около мастерской гуляющие резко оборвали смех и разговоры. Они услышали крик. Долгий, леденящий душу крик.

— Что это! Где кричали!

Те, кто стоял поблизости, сказали, что крик донесся из мастерской Боазы Negro. Они подошли и дернули дверь. Она была закрыта на замок, похуже, что на всю ночь. Света в окнах не было. Начали стучать в дверь — молчание.

Но откуда же прозвучал этот ужасный крик!

Люди кинулись в соседние переулки, но в конце концов опять вернулись к мастерской. Они не могли забыть этого страшного крика. Теперь уже все были уверены, что он исходил именно оттуда. Дверь взломали.

На полу у ног Боазы лежало тело. Ворвавшиеся онемели, увидев труп в слабом свете принесенного фонаря.

Было видно, что Боаз собирается что-то сказать. Что-то очень важное. Наконец он с трудом заговорил:

— Скажите мне только одно. Это тот пёс!

— Мануэль! — спросил кто-то. — Ты говоришь о нем!

Боаз сел на свой стул, положил руки на подлокотники и посмотрел на толпу невидящими глазами.

— Нет. Мануэль был хорошим парнем.

Один из стоящих взгляделся в лицо мертвеца.

— Нет, вы посмотрите...

Он даже перестал жевать табак. Но его перебил другой:

— Да ведь это же тот парень... Ну, тот, что работал в банке... Вуд... Тот, что сгорел... помните! Это он.

— Этот пёс не сгорел, — промолвил Боаз почти неузнаваемым голосом. — Сгорел мой мальчик. Я знал это с самого начала, потому что я слышал шаги. Глупцы... Вы думали, что я жду своего собственного сына...

Когда Боаз спрашивали, почему он не рассказал обо всем раньше, он отвечал:

— Во-первых, вы бы все равно мне не поверили, а во-вторых, если бы я сказал, что это Вуд, он бы никогда не решился вернуться.

А. КАРАПАНЧЕВ — болгарский писатель и журналист, член редколлегии журнала «ФЕИ», издающегося в Софии.

Автор нескольких десятков фантастических рассказов и философских притч, опубликованных в коллективных сборниках и журналах.

В 1989—1990 гг. по приглашению журнала «Уральский следопыт» А. КарAPANЧЕВ приехал в Свердловск для участия в традиционном празднике — вручении премии «Аэлита».

УНИМО

В ЭПОХУ

АЛЕКСАНДР
КАРАПАНЧЕВ

УНИМО! В этом звучном сокращении вот уже целый век воплощены надежды человечества. Оно обещает сказочные возможности, о нем написаны тысячи томов, сотни тысяч научных работников и дерзких дилетантов посвятили ему свою жизнь, надежды и чаяния, ставшие семейными преданиями, социальными мифами, цветистыми анекдотами, фантастическими кочующими сюжетами. Все попытки создать УНИМО терпели провал, и вот наконец на пороге двадцать второго столетия заговорили о том, что его появление — вопрос месяцев.

Ждали его и в башне № 15225, населенной людьми искусства. Эта башня — экспериментальный комплекс, оснащенный системами УНИМО, — в результате разгоряченных дебатов была предоставлена жрецам муз, создателям вдохновенных образов. Вскоре, однако, башня № 15225 стала типичным явлением, а потому мы заглянем в апартаменты, где живет Джордан Хенек, доктор наук, крупный специалист по европейской литературе XIX и XX веков.

Вечером того дня, с которого начинается наше повествование, все члены семьи Хенека были в своих комнатах. Конечно, везде имела установка УНИМО — неприметная такая, чуть закругленная по углам пластмассовая дверца в стене.

Равнодушным металлическим голосом установка регулярно давала сводку новостей:

— Сегодня завершилась сборка первых метаконденсаторов, расположенных на дне мирового океана. В двухнедельный срок в недрах Гималаев разместится половина патенто-ведческих бюро...

И человечеству представлялись полые горные массивы, которые будто пчелиные соты заполнены легионами контор.

— Вчера были сданы досрочно секции человеческой пластики и кухонного оборудования.

— Полным ходом ведутся завершающие работы рецептурного оформления гамма-мозга и шестимиллионного трансмутирующего узла для переработки сырья, полученного из недр Гималаев.

«Ясно, — говорит себе Джордан Хенек, — из утилизированных газов будут выпускать продукцию. Какой размах!»

Хенек делал кое-какие записи для завтрашней лекции об Уайльде, когда вслед за обычными новостями о ходе строительства раздался громкий голос:

— По мнению специалистов-наблюдателей, повсеместное включение системы — вопрос плюс-минус 10 часов!

Хенек спокойно продолжал свое дело. Он человек не первой молодости, и на его памяти не одно подобное сообщение.

От углубленных контактов со своим предметом доктор Хенек и сам внешне стал походить на своих героев. Он был крепким и кряжистым, как Гюго, смуглым, как Стивенсон, у него были точь-в-точь шолоховские усы, а под глазами рельефно проступали мешки, как у самого Оскара Уайльда. Когда волшебное действие кофеина прекратилось, голова отяжелела и Хенек решил лечь спать. Прежде чем юркнуть под одеяло, Хенек по привычке бросил взгляд на световое табло УНИМО, где высвечивалась надпись: «Вы подключены!».

Но Джордан настолько устал, что не нашел в себе сил для воодушевления, и только проверки ради сказал:

— Будильник, пожалуйста, и чтобы он кричал петухом.

Где-то далеко, под самыми Гималаями или мировым океаном, что-то пришло в движение, пластмассовая дверца отворилась, и в руки ему скользнул новехонький будильник. Хенек с досадой бросил его обратно:

— Поставь на семь часов. Для чего, спрашивается, человечество целый век ждало твоего появления, если ты даже не знаешь его привычек!

УНИМО пророкотала и вернула будильник. Стрелка звонка с математической точностью делила цифру 7 пополам. «Ну и дела!» — заморгал удивленно доктор литературы, но вскоре его надсадный храп заглушил бодрое тиканье.

— Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку!

Сначала он никак не мог сообразить, в чем дело, но, увидев перед собой надпись «Вы подключены!», вспомнил и отправился поглядеть на своих домочадцев. Жена спокойно спала, явно упустив событие epochального значения.

Жюль и Хорхе, студенты по эстетике, уже вкусили прелесть новшества. Жюль тербил усы, сидя над какой-то старинной книгой, на столе было тесно от бутылок.

— Отец! — вскричал Жюль. — УНИМО все может! Ты читал «Солярис» поляка Лема! — и он погладил страницы. — Прелесть, просто удивительно, почему сегодня не переиздают такие роскошные вещи. Садись, я заказал метаксу, саке, мандаринелло — древние напитки, которые говорят за себя, если только сумеешь оценить их по достоинству!

Отец кивнул. Жюль оставался все таким же библиофилом, совершенно непрактичным, как говорится, не от мира сего. Нашел, что пожелать от УНИМО: Лема и мандаринелло! Хоть бы пил, как люди, но ведь и этому не научился, упивается ароматами, красками и оттенками вкуса, будто стихия алкоголя — в этом! Хенек решил заглянуть и ко второму сыну.

Хорхе с детским выражением лица, как у полузабытого Клейста, лежал, застигнутый сном врасплох на груде костюмов. По покрою сразу можно было догадаться, что все они

выполнены по его моделям. Мебель была исвехонькая, яркий торшер напоминал застывший водопад. Хорхе увлекался дизайном, у них с Джорданом была общая страсть — уют и всякие новинки, пусть это даже оливковое мыло или ортопедические стельки, и потому старик питал к младшему сыну особую слабость. Все эти годы, когда ждали появления УНИМО, Джордан лелеял тайную мысль роскошно обставить свой дом, на что он никак не мог выделить время из-за служебной занятости и склонности к мечтаньям.

— Согласно только что произведенным подсчетам, — раздался металлический голос, — услугами УНИМО уже воспользовались два миллиарда пятьсот восемьдесят девять миллионов семьсот семьдесят тысяч девятьсот двадцать один человек! Трудно передать радость его создателей, так как армия потребителей постоянно растет!

— Шуточное ли дело, — воскликнул Хенек. — Вот что значит настоящий Универсальный МОдификатор! Что пожелаешь, то и даст.

Окрыленный, он побегал к себе в комнату, где его застал очередное сообщение:

— Напоминаем нашим клиентам, что все ненужные вещи, все, что вы опробовали и хотите сменить на свежие модификации, просим возвращать через дверь в вашем доме. Давайте беречь каждую крупницу сырья для нашего великого благодетеля!

«В сложившейся обстановке никто не придет на мои лекции, — решил Джордан. — А потому — за дело! Посмотрим, на что мы с УНИМО способны!» — Он весь трепетал в предчувствии великих событий, и ему казалось, что все внутри у него kloчoкeт в каком-то лихорадочном ритме.

— Черт возьми! Может, это проклятое кукареку выбило меня из колеи! А ведь можно заказать будильник с соловьиной трелью!

Он лег снова, погрузившись в мечты. Нежно пропел новый будильник. Но опять что-то привело его в раздражение, что-то мелкое, незначительное, но не менее досадное, чем кожура персика, прилипшая к небу.

— А зачем мне, в сущности, соловей! Не в лесу ведь! Да и откуда взяться лесу, все леса давно переработаны в чреве УНИМО! Соловей — пережиток прошлого. Нужна более современная мелодия.

Третий будильник взорвался грохотом космодрома. Литератор представил себе, как обнимает он взором возрожденную к новой жизни колыбель человечества. Вся природа перемолота в сырьевых колоссах, густо усеявших заасфальтированную ширь планеты. Кто знает, может, теперь и памятники архитектуры включают в производственный баланс, чтобы УНИМО сотворила новые памятники, отвечающие мечте современного человека.

И вдруг его осенила парадоксальная идея:

— Хочу стать Гомером! Раскрыть все загадки, связанные с его именем, хочу, чтобы сердце мое наполнилось эллинской гармонией.

— УНИМО вас поняло, — тут же отреагировали где-то под Гималаями, — но мы пока еще не можем менять внешний облик людей. Пожелайте что-нибудь другое!

— Мошенники! — возмутился Джордан. — Что же ты умеешь!

Понемногу успокоившись, Джордан стал снова возиться с будильником. Но каждый раз что-нибудь не удовлетворяло его взыскательное воображение, что-нибудь да раздражало его. Он перепробовал десятка два моделей, причем последний дребезжал, как древняя пишущая машинка, и наконец, возмущенно крикнул в дверь УНИМО:

— Возьми сам придумай что-нибудь! Ведь ты же гений всех времен, а вот мне, Джордану Хенеку, угодить не можешь, я для тебя — загадка! — И тут его в очередной раз осенило. — Я лягу, а ты меня позовешь. И запомни, без идиллических будильников, пусть сам УНИМО подумает конкретно обо мне, ясно!

— Сначала информация, — упрямо отозвалась установка. — Очень скоро УНИМО сможет придавать потребителю облик известной личности прошлого. Просим сменить заявки подобного рода другими, в ходе выполнения которых УНИМО сможет набрать мощность для осуществления и этих ваших желаний.

Потом механизм величественным голосом прохрипел:

— Джордан Хенек, проснись! Джордан Хенек, проснись!

— Ага, это уже совсем иное дело! — радостно вскочил

доктор. — Внушает респект. Как приятно услышать свое имя от такого чуда! Обретаешь вес в собственных глазах, проникаешься большим уважением к себе! Интересно, а мое имя слышно было сейчас по всему свету!

— Материализованные желания ориентированы строго индивидуально. Свое имя слышали только вы.

— Ну, ладно, — махнул рукой Хенек. — Это мелочи, Мэ-нней величия я не страдаю.

ЛИХОРАДКА открывательства снова овладела им. «Вчера я не догадался сочинить себе новую пижаму, этой пользуюсь уже месяцы, она насквозь пропитана моими сомнениями и недоумоганиями!» И он намечал себе пижаму, легкую, как пушинка, сонно-голубую, удобную, как халат дзюдоиста десятого дана. Но сознание того, что все это слишком тривиально и он мог бы иметь десяток пижам куда более оригинальных, не давало покоя. Одну за другой примерял он модели. Стоит с задумчивым видом дегустатора, потом стачит с себя пижаму и бросит обратно в дегустатор.

Близилось время обеда. Джордан вспомнил о своих домашних. Ого, Пентелея, наверное, давно уже встала, с присущей ей невозмутимостью заказала завтрак, скромный туалет и какую-нибудь никому не ведомую древнегреческую рукопись, чтобы прилежно заняться раскрытием ее тайн. Она не любила экспериментов вне литературы, у нее не было того огонька, какой был у Хенека. Да и, в конце концов, так ли уж важно, как общается с УНИМО Пента! Это ее личное дело. Жюль, вероятно, нафантазировал себе всяких библиографических редкостей, они с матерью одного поля ягоды. Только к Хорхе захотелось ему заглянуть снова, однако его удерживала жажда творить, проекты роились в голозе, рождались один за другим.

По-видимому, жена и сыновья были очень заняты — за все время никто не навестил его. Ничего удивительного, все они серьезные люди, как-никак живут на пороге XXI века, а ожидание УНИМО нередко все-таки в них отчужденность. Ну, хватит с пижамками, нужно умыться. Не следует забывать о нормальном человеческом ритме жизни, даже если попадешь в туманность Андромеды.

Хенек посмотрел на себя в зеркало. Мешки под глазами огромные, даром что напоминали Оскара Уайльда.

— Гнусная история! Ну еще бы, спишь в дурацкой пижаме, вскидываешься от кукареканья — как тут не быть мешкам под глазами! Нужно пожелать откуда-нибудь издалека ключевой воды, скажем, из водопада Виктория, или какое-нибудь чудодейственное мыло, чтобы сразу сняло усталость.

Джордан плеснул себе несколько раз в лицо, и мешочки под глазами порозовели. Наверное, они еще увеличатся. Джордан пришел в раздражение.

— Глухости, какая там вода из Виктории, когда водопад давно упрятали под маску! Небось, и эту-то воду УНИМО синтезировал из камней, пыли, пижам и асфальта. Что ему стоит, он может все преобразовать во все. Нет, все зависит от мыла.

И Хенек принялся выдумывать новое мыло.

— Ананасовое! Орхидейное! Из пионов и моркови! Из ореховой шелухи!

— Нет, тыквенное! Персиковое! Хочу мыло, в котором сочетались бы зеленый салат, ягнятина, крем-брюле и пиво, которое пил сам Гашек!

Где-то на пятидесятом по счету рецепте воображение иссякло. Тщетно надеялся он, что мыло его освесит. В действительности же он попросту питал свои мешочки, вливал в них жизнь, и они, иссиня-черные, красовались у него под глазами, ухмылялись нахально.

После мыльных экспериментов он не стал долго возиться с выбором полотенца и после нескольких проб выбросил его в дверь вместе с грудой брусков, переливавшихся всеми цветами радуги, и сол завтракать, хотя давно перевалило за полдень.

— Наши подсчеты показывают, — заговорила установка, — что из всего человечества только сто четырнадцать тысяч триста тридцать три человека не воспользовались пока услугами УНИМО. Самых терпеливых и изобретательных заказчиков мы решили отмечать премиями. Первую премию заслужила Эльвира Смедна, из башни номер четыреста семьдесят семь, которая опробовала и вернула назад ровно

сто пар чулок. В ее комнате уже смонтирован второй канал УНИМО. Поздравляем вас, Эльвира Смедна!

— Вот это да! УНИМО наущинчать не любит! — заметил литератор и занялся проблемой завтрака.

Прежде всего нужно было выбрать чайный сервиз. Перед ним дефинировали чашки из металла, стекла, фарфора. То не нравилась форма, то звон ложечки о стенки, то рисунок, то размеры. Все летело в распахнутую дверцу, билось, крошилось и тут же возвращалось в модифицированном виде. Потом начались муки творчества с чаем, булочками, повидлямам.

— Черт-те что! — рассердился на себя Хенек. — Скоро день кончится, а я еще не смог ничего поесть, кроме жалких булочек! Неужто у меня вовсе нет воображения! Подать мне кабанчик бифштекс, нет, черепаху на углях, нет, лучше фарель, нет-нет, панирозанного кальмара! Подать кресс-салат, сварку, цыпленка в меду, копченые почки, соловьиные языки.

Смывались блюда всех эпох и народов, всякие трогательные сочетания, вроде дроздов, начиненных конфетами, или конфет с начинкой из икры. Джордан Хенек пробовал и шмырял назад, откусывал, нюхал, рассматривал блюда — и бросал обратно.

— Внимание! Вторую премию получает доктор Хенек из башни номер 15225 за изобретение пятидесяти четырех видов мимал! Поздравляем вас, доктор Хенек! Шлите УНИМО как можно больше заказов. В ходе удовлетворения ваших растущих потребностей великий УНИМО будет непрерывно совершенствоваться. Скоро вы сможете поверить ему свои самые сокровенные мечты, и они будут исполнены!

В стене напротив появилась еще одна пластмассовая дверца. Бог изобрел удвоился.

Радостная новость прибавила ему творческого вдохновения. И он с еще большим упоением выкрикивал названия кубинских чудес, но, едва успев попробовать, требовал новых, наслаждаясь выхрем молниеносно сменяющихся ощущений, перца, изюном, не почувствовал вполне закономерное пресыщение. Это чувство было необъяснимо, казалось, что он ел сахарную вату, которая мимом тает во рту, оставляя после себя воспоминание о чем-то сладком. Но он знал, что ел, и чувствовал себя сытым. Хенек собрал всю посуду, разбросанные объедки, и, немного поколебавшись, сунул все это в новый канал. «Ну, что же дальше!», — сказал он себе, чувствуя готовность к новым приключениям.

И тут он вспомнил костюмы Хорхе. Пора бы и самому подумать об одежде. Сможет ли запрограммированный маг предоставить ему одежду, столь ярко описанные любимыми классиками!

Хенек принялся лихорадочно примерять старинные модели. Цилиндры и шляпы сменяли друг друга и тут же исчезали в отворотах каналов. За окном простиралась вечерняя синева, которую УНИМО еще не удосужился включить в свой ресурсный арсенал, а может, это попросту плод каприза какого-нибудь чудака.

Раздается несколько извиняющийся голос:

— Недавно мы предупредили тех клиентов, которые по рассеянности или ввиду труднообъяснимых причин задерживают при себе продукты УНИМО. К сожалению, число нарушителей постоянно растет, и УНИМО вынужден прибегнуть к решительным мерам. Первым будет наказан студент Жюль Хенек из башни номер 15225. Данное лицо уже десять часов сорок пять минут держит у себя черешневое дерево, доставленное ему в безупречном виде. Отличительные черты дерева: молодое, цветущее, с двумя неидентифицированными до настоящего времени птичками и тремя десятками пчел.

— Я так и знал, — вздохнул доктор. — Ему осточертел Лем, и он поддался былым мечтам о природе. Что с ним ни делай, человека из него не выйдет.

— Конечно. — продолжал монотонный голос, — в данном случае потери невелики, более того, они настолько ничтожны, что не поддаются математическому исчислению. Однако сам факт весьма симптоматичен, и потому наше решение окончательно: немедленно лишить Жюля Хенека собственности канала, а дерево передать ему в собственность, чтобы он, сопоставляя его аромат с тем, что будет иметь окружающие его люди, мог оценить свой проступок. Еще раз обращаемся...

Джордан элегантно жестом, с полным пониманием дела метнул очередную шляпу в отвор дверцы. Возвращаешь шля-

пу — получаешь новую. Так и должно быть: верни ложку или, скажем, сад, чтобы получить новый совершенно свежий, еще более нужный товар. «Жюль сам виноват. Пусть довольствуется теперь своей черешней со всеми ее цветочками, птичками и прочими атрибутами!», — махнул рукой отец провинившегося. Жюль опростоволосился, что и говорить, теперь бы только Хорхе и Пентелея не подвели.

НОчь уже объяла планету, когда наш доктор от литературы кое-как оделся. Ровно четырнадцать часов кряду от провел на ногах, бодрый, вдохновенно импровизирующий. За такое короткое время он успел умыться, позавтракать, одеться, порассуждать на различные темы — разве этого мало в эпоху УНИМО!

Взгляд Хенека упал на книжные полки, уставленные томами классиков XIX и XX веков. «Всю жизнь копался в книгах, — горько усмехнулся Джордан Хенек, — а чего добился! Да если б я тысячу лет материализовывал свои мысли, и тогда вряд ли придумал что-либо, подобное УНИМО. А впрочем, как знать! Ничего, что теперь все проблемы решаются самым великолепным образом. Моя работа теряет всякий смысл. Теперь я могу сидеть перед этими двумя дверцами и жить себе припеваючи. Выходит, все годы общения с ошумевшими веками прошли впустую!»

И Джордан принялся опустошать полки. Клейст, Чапек, Ибсен, Верн, Толстой, Станев, Диккенс, Лорка, Ивашкевич исчезали, превращались в сырье для новых товаров.

В руках зашелестели пыльные тома Флобера. «Вот и его, — чихнул литератор, — я, наверно, не смог понять до конца. Не разобрался, почему так бывает: тебя нет, а ты направляешь ход вещей».

Внезапно его объяла новая волна пароксизма:

— Хочу стать Гюставом Флобером!

— Спустя плюс-минус семь часов, УНИМО сможет исполнить это ваше желание, — пообещала установка.

Джордан почувствовал усталость. Сначала надо поспать, а уж потом превращаться в руанского отшельника. Уже не было настроения выдумывать пижамы, он кое-как перекусил и заказал:

— Когда будешь готов преобразить меня во Флобера, разбуди!

И приснился ему просторный кабинет мастера. Окна смотрели на Сену; единственным украшением служили книги да дюжина предметов, напоминающих о путешествиях: янтарные безделушки, нога мумии (простодушная служанка надраила ее вансой, как сапог); позолоченный Будда наблюдал за Хенеком-Флобером, склонившимся над грудой рукописей. Во сне Хенек улыбнулся мягкой, всепрощающей улыбкой.

На утро разделся голос:

— Джордан Хенек, проснись! — и снова и снова. —

Джордан Хенек, проснись! Гюстав Флобер, проснись!

Наш литератор потянулся, сладко зевнул, натянул на себя одежду девятнадцатого века, выпил бокал сидра. Его распирало чувство торжества, шутка ли сказать, он воплотился в самого Гюстава Флобера! Ему не терпелось выйти на люди, показаться им, поболтать. На лице у него сияли глубокие синие глаза, под носом красовались седые усы, как у викинга, в походке чувствовалась солидность классика.

Лифт спустил его на первый этаж жилой башни, в асфальтированном парке, перед которым стояли скамейки, автоматы для соков и разной галантереи. Здесь собирались когда-то в страстном ожидании эпохи УНИМО жрецы искусства из башни номер 15225, делились проектами. Хенек пренебрежительно относился к такому времяпрепровождению, считая его совершенно бесполезным; сегодня же, однако, его потянуло в скверик, так как он был убежден, что встретит там подобных себе.

Пока лифт опускался, со всех сторон в башне раздавался металлический голос УНИМО:

— Йозеф Паличка, проснись! Оноре де Бальзак, проснись!

— Иван Бунин, проснись! Чарльз Спенсер Чаплин, проснись! Петр Милков, проснись! Маэстро Паганини, разбуди Марию! Просыпайся, Джонни Смит! Эсмеральда, проснись! Братья Гонимур, проснитесь! Ефремов, проснитесь!

Имена благостно струились, взрывались, низвергались, звенели капелью, пускали пузыри, благоухали хлебом, морем, мокрыми парусами, смазкой космических кораблей. На

разные голоса УНИМО демонстрировал безупречную дикцию.

На девяносто шестом этаже лифт остановился, вошел Бернард Шоу. На семьдесят втором к ним присоединился Акутагава с дымящей сигаретой, на сорок седьмом — Торвальдсен, на тридцать третьем — Рильке, на двадцать восьмом — Гершви. Тщедушный Рильке гордо изнемогал под тяжестью аккуратных томиков своих стихов в переводе на разные экзотические языки.

Кроме светил, в кабине лифта жались еще четыре человека, которые ошеломляюще походили лишь на самих себя или, быть может, пожелали превратиться в личности малоизвестные. Во время головокружительного спуска в кабину попытались втиснуться трудно идентифицируемые личности, однако Флобер, Шоу, Акутагава, Торвальдсен, Рильке, Гершви и четверо неизвестных не впустили их, потому что лифт был рассчитан на десять человек и не больше.

Не успела компания произвести рекогносцировку обменом репликами, как лифт остановился и все высыпали наружу.

Асфальтированный сквер был переполнен. Наверное, все население башни номер 15225 почувствовало острую необходимость общения с подобными себе, хотя каждый из них за эту ночь заметно изменился.

Гюстав Флобер попытался было составить точное представление о типологии гудящего, как потревоженный муравейник, людского множества. Виднелись стайки знаменитостей, переживших века, однако среди них толкалось немало индивидов вроде четырех неидентифицированных личностей из лифта. Последние разделялись на два класса. Первый составляли соседи по башне, во второй входили все остальные: они были вроде первых, ведь Хенек знал далеко не всех жильцов, населявших сотни квартир башни, может, они и в самом деле преобразились в никому не ведомых людей, хотя и обитали в башне номер 15225. Джордан почувствовал, что окончательно запутался.

Толпа все плотнее обступала воскресшего руанца. На него налетел Гоголь и окатил чертовской меланхолией.

— Ну как, великая вещь это УНИМО!

— А ты знаешь, — ответил ему Флобер, — я получил премию за изобретение пятидесяти четырех видов мыла!

— Конечно, конечно, — во взгляде Николая Васильевича всплыла затаенная тоска, вроде боли от желудочной колики, и он поспешил удалиться.

Но Гюстав схватил его за лацкан пиджака:

— Погоди, ты лучше послушай, каких чудакон земля носит: представляешь, только что один спросил меня, когда я закончу «Бувар и Пекюше»!

— Ха-ха-ха! — расхохотался Гоголь, но потом внезапно оборвал смех. — Ты бы знал, сколько человек расспрашивали меня о втором томе «Мертвых душ»! И все до одного прилизанные, без собственного лица, непонятно, на кого похожи.

Гудящая круговерть увлекла украинца, а к Хенеку устремился Мопассан и зашептал:

— Я тридцать часов не ел и не спал, зато перепробовал сто десять видов гребней. Возьми! — он протянул блестящий гребешок. — Ты только посмотри, какое сокровище. По собственному проекту. Можно пользоваться и как личинкой, для удобства на нем размечены сантиметры — ну, что скажешь!

— Молодец! — отечески похлопал его по плечу Флобер. — Но, в сущности, кто ты, Мопассан!

Т ОЛПА унесла Мопассана, который заботливо причесывался уникальным гребешком, озираясь по сторонам в поисках единомышленников. Неподдалку Герберт Уэллс расхваливал свой новый костюм. Сердце Хенека дрогнуло. Может, это Хорхе! Нет, обознался. Вперемешку с неизвестными субъектами проплывали знакомые лица. Вот Золя поправляет свое знаменитое пенсне, вот жестикулирует Гондаль, позади стоит Ван Гог в синем колпаке и с перевязанной головой. А рядом Вермеер в широких брюках, несколько поодаль Пушкин пьет лимонный сок.

— Здорово вы преобразились! — сказал Флобер. — Вы так замаскировались, что только сами можете узнать себя!

Он посмотрел в сторону Жюль, по-прежнему откровенно наблюдавшего за толпой. Оказывается, таких, как он, еще много. Руанский отшельник пытался подсчитать, кого больше — тех, кто в облике знаменитостей, или же тех, кто, подобно Жюлю, напоминает самих себя. Но УНИМО работало строго по рецепту, и Хенек унаследовал от Флобера близорукость, полученную от работы над рукописями, и это доставляло ему немало трудностей.

Тут Флобера захватила куда более интересная мысль: как бы узнать, куда простираются в наше время пластические возможности УНИМО? Может, они ограничиваются семнадцатым веком! Если бы каждый пожелал перекрыть свой облик, возможности Модификатора в этом отношении немаловажно расширились бы. Более того, литератор считал, что границу без особых усилий можно отодвигать все дальше, и в конце концов наступит день, когда он сможет совершенно спокойно заказать:

— Хочу превратиться в первобытного человека, — и добиться один нюанс: который нарисовал...

— Джордан, Джордан! — внезапно раздался мелодичный голос.

Чьи-то горячие пальцы впелись в него. Он оглянулся. Ему улыбался Сафо, белые складки хитона загадочно очерчивали гармоничное тело, хрупкое, как нарцисс.

— Джордан, я узнала тебя по наклону головы. Едва пробилась к тебе, думала, что эти люди, черт бы их побрал, меня раздавят! Что они все себе вообразили! А ты зачем выбросил всю библиотеку! Впрочем, наверное, ты прав, теперь все в наших руках. Не, Джордан, — и Сафо пригрозила ему пальцем, — ты как всегда бросил шлепанцы посреди комнаты. Вечно кто-то должен ходить за тобой!

Гюстав Флобер решительным жестом отстранился от Сафо.

— Подумаешь, велика беда, забыть их вернуть. Разве шлепанцы стоят того, чтобы о них спорить! Оставь меня, я мечтаю побеседовать с Гете, видишь, вон он там...

И поспешил нырнуть в многолюдную толпу. «Сафо! — проворчал он. — Значит, граница беспредельно отодвигается! Здорово работает УНИМО. Не знаешь, в кого превратиться?»

Руанец мучительно прокладывал себе дорогу, расталкивая локтями тех, кто поразительно был похож на самого себя, и не забывал кивать на ходу знакомым бессмертным. И вдруг его осенило, что второй день эпохи великого УНИМО мог бы начаться и по-другому.

— Знаешь, дорогой, — сказал Флобер, добравшись до Гете, — а ведь совсем нелегко было придумать эти пятьдесят четыре вида мыла...

Пер. С. Николаева.

НА ВСЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ — 145 МИНУТ

В течение какого времени дерево может быть срублено, разрезано, превращено в бумажную массу, сдано в типографию и выпущено из нее в виде газеты? Такой опыт, любопытный с точки зрения прогресса всех относящихся к данному делу производств, был предпринят немецкими бумажными фабрикантами. Вот как он проходил.

17 апреля собственники бумажной фабрики в Эссентале пригласили к себе нотариуса — засвидетельствовать достоверность и подлинность опыта.

В 7 часов 35 минут утра в ближайшем от фабрики лесу были срублены три дерева: их перенесли на фабрику, где разрезали на куски длиной в 0,5 метра каждый; затем с них

сняли кору и расщепили. После этого проделаны были другие обычные манипуляции, и бумажная масса была направлена к машине.

В 9 часов 34 минуты уже вышел из машины первый лист бумаги — вся процедура ее производства заняла, таким образом, только 1 час 59 минут.

После этого фабриканты, по-прежнему в сопровождении нотариуса, отправились с несколькими листами бумаги в типографию, находившуюся в четырех километрах.

В 10 часов в их руках уже был отпечатанный лист.

...К сказанному остается добавить немалое. Этот опыт был проделан без малого сотню лет назад — в 1895 году.

Маргарита Алферова

ИДОЛЫ

Художник С. Григорьевич

КОГДА Амит взял в руки топор, они испугались. Они все поняли и, перетрусив, повалились ему в ноги, как собаки, лизали пальцы. Он нанес два удара, почти одновременно, а затем разрубил идолов на куски. Мертвые, они все еще напоминали людей, только тела их отливали не бронзой, а синевой. Куски Амит бросил в выгребную яму, и они почти сразу же утонули, потому что были тяжелы, как камень. В темноте Амит спустился к источнику и долго мылся ледяной водой: ему казалось, что грязь не смывается, а впивается в кожу. Назад, в хижину, он крался, как вор, закутавшись в плащ: ему было стыдно, что у него нет больше идолов, и он идет по деревне, как нищий или бродяга, как мальчишка, не начинавший жить. Другие осторожней. Шот старого своего идола закопал во дворе под пальмой и вечерами приходил посидеть на его могиле. А новый идол, желтолицый и надменный, прятался за плетнем и наблюдал — не собирается ли Шот отрыть своего старого кумира.

Амит пришел в хижину и сел на циновку. А вместе с ним пришла Тишина. Она легла белым лунным пятном, упавшим из маленького окна. За Тишиною явилась Тоска. Тоска сочла стены, потолок и пол, горшки с фасолью, полки с этими горшками, мотыгу в углу и очаг посередине, пустые корзины и крушки с водой. Тоска ухмыльнулась Тишине: идолов в хижине не было. Никто не требовал, не кричал, не гневался... «Зачем ты их разбил! — спросила Тоска. — С ними было веселее». «Я устал, — ответил Амит. — Устал их все время слышать...»

В низкой хижине идолы доставали головой до потолка. Здесь было душно и тесно, хотелось ругаться, кричать, доказывать свою правоту до хрипоты. И от этого Амит устал больше, чем от дневного зноя и разбивания мотыгой плотной красной земли.

Амит вспомнил, как уходила Сима. Положила нехитрые пожитки в корзину и взяла за руку крошечного, похожего на ребенка, идола с белыми волосами старика. Утро лишь начиналось, дождь вымыл небо и зелень, мир был переполнен светом, а Сима уходила, и Амит не мог найти слов, чтобы ее удержать. От этой немoty все в нем клекотало и рвалось на части. В ярости Амит схватил ком глины и бросил в спину Симе. Вокруг не было ни души, никто не мог крикнуть: «Закон!» Двор был обнесен плетнем, отгорожен от соседней зарослями орешника. Но над плетнем внезапно возникла круглая бритая голова Ката. Кат отворил ворота и вошел.

Амит замер: грязь перепачкала все покрывало Симы, Сима могла закричать: «Закон», — а Кат — услышать... Идолы за спиной Амита пищали от ужаса...

— Неужели Амит швырнул грязью! — спросил Кат, обливаясь, как кот, и обходя Симу вокруг. — Почему ты не кричишь! Не зовешь на помощь!

Идолы Ката, здоровые, мордастые, ввалились во двор. Они прыгали и плясали, предвкушая забаву. А идолы Амита ничего сказать не могли, они спрятались под навес, где Амит держал ослика, когда у него был ослик...

— Мне незачем кричать «Закон», я сама упала в лужу... — прошептала Сима, а бело волосый идол ее заплакал.

Амит хотел броситься к ней и сказать, что слова, упавшие меж ними и создавшие пропасть, лживые слова, а главное...

Он хотел...

Но оба его идола, осмелевшие после прощающих слов Симы, прибежали из-под навеса и завопили наперебой, заглушили все мысли и переполнили Амита глухой злобой и сознанием своей правоты. Он пошел на чучело, набитое прошлогодней соломой. Он не мог ничего сказать, не мог подойти к Симе и коснуться ее руки... И она ушла.

Амит вспомнил своих идолов — толстый нос одного, обвислые щеки другого. Почему они такие безобразные! Раньше он не замечал их уродства. И вдруг заметил. В тот день, ког-

да ушла Сима. Заметил, что они безобразны, завистливы, злобны. Заметил, что они трусливы. Идолы хотели, чтобы Сима ушла, потому что ее бело волосый кумирчик мешал им. Он говорил тихо, по вечерам терся о руки Симы и просил, чтобы его гладили по голове, он занимал очень мало места, но все равно мешал его идолам...

Теперь идолов у Амита нет. Но и Симы нет рядом — она поселилась в своей старой хижине на краю деревни. Встреча Амита на улице, Сима подносила руки ко лбу в приветствии и торопилась пройти мимо. И ее идол торопился. Каждый вечер Амит решал, что позовет Симу назад. Придет и скажет... Но что! Где найти такие слова, чтобы Сима вернулась! Если б идолы знали их... Но идолы вопили: не смей, не унижайся... И он не смел. Не унижался.

А сегодня разбил своих идолов...

НА ДРУГОЕ утро, выйдя из хижины, Амит выплил, как положено, десять больших бадей на дорогу, чтобы было больше жидкой грязи. Вместе с идолами исчезли все дела и заботы, даже в поле Амит не пошел, а брел по дороге без цели. Одному ходить непривычно: Амит все время оборачивался, и неприятный озноб пробегал по коже, будто прохлывало холодным ветром. Первым в то утро он встретил Шота. Шот нес большую корзину с крышкой, а следом шествовал его желтолицый идол.

— Эй, Шот! — крикнул Амит. — Я утопил своих идолов! Шот, слышав голос Амита, вздрогнул.

— Да ты не бойся! Чего ты боишься?! Знаешь, как без идолов хорошо! Никто не ворчит, не требует... Послушай, неужели тебе твой истукан не надоел? Он такой наглый, каких еще не было. Давай мы его разобьем и утопим, а!

Шот не отвечал, а убыстрял шаги, почитительно пропуская своего идола вперед. А тот презрительно фырчал и раздраженно передергивал плечами. И тут вылез на дорогу Кат и оба его идола следом — наглые, мордастые, — чем-то схожие с теми, которых Амит разбил.

— А где твои идолы, Амит! — спросил Кат, ухмыляясь. — Неужели ты совсем без идолов, будто жить начинаешь!

— Да, без идолов! — запальчиво крикнул Амит. — Плевал я на всех кумирчиков и божков! Я теперь могу в ваших дурней, холеных и любимых, грязью кидаться, а вы мне ничегошеньки не можете сделать, ясно!!

— Кидайся, кидайся, — презрительно выпятил губы Кат. — Только все равно без идолов жить не сможешь.

— Смогу! — замотал головою Амит.

Кат засмеялся. Засмеялись его идолы. Захрюкали, запрыгали от восторга. Амит схватил ком грязи побольше и швырнул Катову идола в лоб. Второй кусок черной жирной грязи — другому в рот. Нате — подавитесь! Э, как я вас! А вот еще! И еще! Не нравятся! Ничего, питайтесь!

Амит швырял и швырял непрерывно, подле него на дороге образовалась целая яма. Идолы, облепленные грязью, выли. Первый, носатый, под тяжестью налипшей грязи шатался и готов был рухнуть. Амит схватил ком грязи побольше, размахнулся, бросил и... Сорвалась рука, и грязь полетела не в идола, а в Ката. Потекли черные струи по лицу, по груди, по белой накидке, стоимостью в три корзины фасоли. Идолы завизжали от радости. А люди, что собрались вокруг и наблюдали с замиранием сердца, предвкушая, завопили: «Закон!» Крик пронесся по деревне и достиг дальней хижины, где жила Сима.

Амита схватили и поволокли, руки заломили за спину. Кат бежал впереди и показывал путь. Впрочем, и без него знали. Амит заметил, что у двоих, его державших, не хватает кисти на правой руке, и похолодел, понимая, что эти ни за что его не отпустят. И Кат не помилует. Это не Сима... — Сима! Сима! — звал Амит.

ТОЛПА бежала за Катом и пленником, а следом неслись идолы. Они выли, кричали, визжали, вцеплялись друг другу в волосы. Путь до жертвенного камня через священный лес не мал, но кончился для Амита быстро. Вот и камень — серый, ноздреватый, с изголовьем и углублениями для рук и ног. А над ним священное дерево протянуло узловатые ветви, похожие на старческие руки Шота.

— Ложись, — приказал Кат.

Амит рванулся, но его повалили, тугие петли обхватили руки и лодыжки. Он вновь рванулся, уже не надеясь вырваться, лишь желая увидеть Симу. Но петля захлестнула горло и душила. Амит захрипел, опрокинулся на спину... Все! Нет спасения! Кровь билась в висках, во рту пересохло. Кат суетился над ним. Он так торопился, что не смыл грязи с лица и шеи. В руках у Ката появился топор с темными нечищенными лезвиями, похожий на тот, которым Амит разбил идолов, только тяжелее и массивнее.

Наконец приготовления закончились. Кат встал поудобнее и замер. Смолк говор стоящих вокруг людей, их дыхание ушло. Ветер стих. Амит не видел стоящих вокруг — лишь толстые ветви, что протянулись над ним. Листва обвисла, ожидая вместе с человеком удара. Амит смотрел на листву священного дерева, широко открыв глаза. По закону ЭТО происходит, когда человек опускает веки. Но Амит не моргал. По скулам его катились слезы, глаза жгло. Но он — не моргал. Кат попал от нетерпения ногами, кричал... Амит не моргал. Но тут подскочил один из идолов Ката, наклонился низко, выпучил пустые глаза, похожие на внутренности. От нагретой солнцем башки идола пахло теплой грязью. Амит зажмурился от отвращения. В тот же миг раздался короткий свист, удар и хруст. Кровь хлынула из отрубленной руки. Оба Катовы идола подбежали и, толкаясь, стали пить алую горячую жидкость. Остальные идолы толпились вокруг и слизывали с камня брызги...

Шот протиснулся меж идолов и разрезал ножом веревки, что связывали Амита. Культю он обернул чисто вымытыми, заранее приготовленными листьями священного дерева. Шот действовал обстоятельно и неторопливо — за такую перевязку придется отдать корзину фасоли. А может быть, Шот потребует еще и козленка. С каждым приношением идол Шота раздувается от спеси. А когда-то Шот был другим человеком. Тогда жил у него прежний идол, которого он закопал. Шот ходил с ним по лесу, собирая травы и распевая песни. А с новым идолом Шот никогда не пел...

— Ты глупый, — говорил Шот Амиту. — Зачем ты разбил своих идолов! С идолами надо осторожно. Пока не завел нового, старого не бросай. Ты — молодой, голова горячая... Ну и выкинул — раз-раз! Надо же такое учудить, а!!

— Они лгали, — пробормотал Амит.

— А ты сделай вид, что веришь... Как же без идола! Без идола всегда так и бывает, как с тобою... Ты бы потихонечку вырастил себе нового, а прежних припрятал...

— Они похожи на Катовых, — упрямо пробормотал Амит. — Они противные... У, какие противные...

«От идолов какая польза! — думал Амит. — Идолы не приносят воды, они лишь вечно ссорятся и требуют, требуют, требуют... Они не дают человеку жить и умирать не дают спокойно. Хорошо, что он с ними разделался. Если б можно было еще и Катовых идолов разбить и утопить там же... Но не выйдет. Катовы идолы — это Катовы идолы, и только Кат над ними властен...»

ТИХО в хижине. Тихо и холодно. Некому принести хвороста и разжечь огонь в очаге. Во рту сухо, голова пилает — некому водой смочить губы и лоб... Кто-то прошел под окном. Остановился. Потом двинулся вновь. Шлеп-шлеп. Это босые ноги ступают. А сзади ал-ал... Это идол плетется следом...

Шелестит циновка. Знакомые шаги... Сима!

Ну конечно пришла! И идол с нею, привычно гладит его по голове...

— Дай воды! — гневно требует Амит. — А своего урода гони вон! От идолов все беды!

Сима закрывает голову покрывалом и хочет уйти.

— Нет, стой... Не уходи... И этот... так и быть... пусть остается...

Сима колеблется...

— Останься, — Амит уже не кричит, а просит и плачет, сам того не замечая, и протягивает в сторону Симы искаленную руку...

И просыпается...

Нет в хижине Симы. И ночи нет. Солнце забралось в хижину, обрызгало все золотыми пятнами. А на полу возле постели чашка, и в ней вода, и плавают белые лепестки... Так приходила Сима или это только почудилось ему! И был лишь сон о примирении и любви!

Снаружи кричали. Шум был под самыми ногами и проникал в хижину. Амит встал, придерживаясь здоровой рукой о стену, и вышел наружу. Ему показалось, что шум имеет отношение к нему...

Сначала он увидел Шота. Тот стоял в стороне, как всегда, с корзиной в руках. А спесивый его идол сидел в стороне и грелся на солнце. Тело идола белтело, отливая благородной желтизной. Потом Амит увидел Ката и двух его распухших чудовищ... И, наконец, за спинами стоящих людей и прыгающих от восторга идолам — Симу. Она хватала комья грязи

и швыряла их в Катовых идолов, но никак не могла попасть, и комья шлепались обратно в лужи. Дорогу только что полили водой, Сима вся перемазалась — ее юбка покрылась серыми пятнами, а слезы высветили на перепачканных щеках две тонкие дорожки.

— Это за Амита! — кричала Сима и вновь набирала полные пригоршни грязи, и швыряла, почти не видя, куда летят комья. А Кат расплывался в наглой улыбке и, как показалось Амиту, подходил ближе, подставляясь под удар. Его не трогало, что грязь обольет лицо. Его интересовало то, что будет после того, как прокричат «Закон».

— Сима! Сима! — закричал Амита, холодея. — Остановись! Остановись!

Сима, как ослепшая, повернула лицо в его сторону и посмотрела, но не на Амита, а как-то сквозь... А потом в отчаянии опять схватила кусок грязи и швырнула уже намеренно в Ката, забывшись... Кат утерся полой своей белой накидки, отплевался и завопил:

— Закон!

И все вокруг подхватили:

— Закон!

Сима замерла... Огляделась вокруг... Простоявшее медленю до нее доходило. И — поняла... Поблудиев, попятилась. Сжала кулачки. Меж пальцев, выжатая, потекла грязь.

— Нет... — пробормотала Сима и замотала головой.

— Закон! — неслось со всех сторон.

— Стойте! — Амита стал протискиваться вперед, к Кату, придерживая перевязанную культю, как младенца. — Я замену дам, замену... — и он вытянул вперед здоровую руку. Внутри, там, где желудок, сделалось пусто, а вокруг тела на мгновение образовалась невидимая твердая кожура, и все вокруг это ощутили и попятились...

Но Кат взглянул на Амита лишь мельком и, расплывшись в улыбке, положил руку на плечо Симы. Та сказала, пытаясь ускользнуть от короткопалой толстой руки Ката.

— Не нужна замена! — хмыкнул Кат, и Амита бросился вперед, целясь здоровой рукой Кату в нос.

Но Шот очутился между ними, он повис на Амите, и вдвоем они рухнули на дорогу. Амита стукнулся культей о камень и закричал. Он кричал от пустоты внутри и отчаянья, а стоящие вокруг думали, что он кричит потому, что кровь вновь течет из раны.

— Ты с ума сошел, Амита, — шептал Шот ему на ухо. — Ты без одной руки намахешься, а без двух совсем пропадешь. А Сима что... С Симы не убудет...

А Кат вел Симе в свою хижину, ее маленький идол бежал следом, спотыкаясь, как слепой, и плакал безутешно, как ребенок. Зато Катовы ухмылялись во всю ширь своих толстых морд. Сима остановилась на пороге хижины, ухватилась за крашенные столбики и выглянула наружу из-под Катовой руки, будто прощалась. Кат толкнул ее в спину, и она скрылась в хижине. Следом протиснулась его толстая туша. Шаткая бамбуковая дверь закрылась...

Тут же оба Катовы идола прильпили к окнам, выставив толстые зады. Амита вскочил, оттолкнул Шота, схватил толстый прут и стеганул идолов по задкам. Они завyli, а люди вокруг захохотали. Амита хлестал Катовых идолов, пока не обессилел. Потом повалился на землю и лежал, судорожно втягивая ртом воздух. Постепенно толпа разошлась. У дверей остался лишь Амита, два избитых идола Ката да белоголовый идол Симы. Он сидел на старой циновке у входа и весь дрожал, а по лицу его стекали крупные капли пота...

СИМА зажгла светильник и поставила его на низенький столик. Горьковатый запах горящего масла наполнил хижину. Давно наступила ночь, но Сима не ложилась... Пока она двигается, метет пол, носит воду, пока руки ее и ноги заняты, в голове сохраняется холодная пустота, и память не мучает ее.

Неожиданно пламя в светильнике заколебалось: кто-то открыл дверь и остановился. Она различила темный силуэт на пороге.

— Кто здесь! — прошептала Сима и задрожала...

Ей почудилось, что это Кат. Она коснулась плеча своего идола. Тот спал, укрытый толстой циновкой, и стонал, и всхлипывал во сне.

— Это я, — ответил влажной, будто детской, голос. — Я, мой идол Амита...

Идол шагнул внутрь хижины, на свет, и Сима увидела, что ростом он не больше пятилетнего ребенка и еще нетвердо стоит на тоненьких ножках... И личико у него красное, сморщенное, как у новорожденного. А голова совсем голая, лишь на макушке хохолок темных курчавых волос.

— Я пришел от Амита, — проговорил идол, глядя снизу вверх в лицо Симы темными печальными глазами. — Он просит тебя вернуться. Тебя и твоего идола...

И он протянул руку, но не к Симе, а к ее идолу, и коснулся влажных спутанных белых волос...

Адриан Конан Дойл
Джон Диксон Карр

ВОСКОВЫЕ

ИГРОКИ

Художник С. Григорьян

Вот уже почти столетие рассказы о Шерлоке Холмсе пользуются неизменной читательской признательностью. Родившийся как литературный персонаж в конце XIX века, великий сыщик существует рядом с нами: и поныне лондонские почталыоны доставляют на знаменитую Бейкер-стрит письма, адресованные прославленному детективу. И это не только ритуал, установленный поклонниками таланта Артура Конан Дойла. Люди действительно хотят верить, что Шерлок Холмс — не писательская выдумка, а живой реальный человек.

Рассказы Артура Конан Дойла широко известны нашему читателю. Менее популярны произведения его младшего сына, Адриана Конан Дойла, продолжившего повествование о приключениях знаменитого сыщика. Совместно с биографом своего отца, Джоном Диксоном Карром, Конан Дойл младший выпустил книгу «Подвиги Шерлока Холмса». В отдельных рассказах Артура Конан Дойла встречаются упоминания о каких-то уже раскрытых преступлениях. И на основе этих упоминаний Адриан К. Дойл и Джон Д. Карр строят сюжеты своих произведений. Авторы стремятся

точно следовать стилю литературного отца Шерлока Холмса, но, пожалуй, главное — они берутся показать великого детектива таким же, каким он впервые предстал перед читателями журнала «Стрэнд» в 1887 году: мужественным самоотверженным борцом с преступным миром, бескорыстным защитником запутавшихся в его сетях слабых людей, тонким знатоком человеческой психологии, умеющим найти выход из любого, казалось бы, безвыходного положения. Оценить достоинства одного из таких рассказов предоставляется читателям «ПисФа».

МОЕМУ другу Шерлоку Холмсу явно не повезло. Ради спортивного интереса он согласился встретиться на ринге второразрядного клуба с Задиру Эшером, хорошо известным профессиональным боксером среднего веса. К удивлению зрителей, Холмс нокаутировал Задиру, прежде чем тот сумел навязать ему затяжной бой. Выходя из клуба после этой победы, мой друг споткнулся на северной освещенной, шаткой лестнице и вывихнул ногу.

Весть об этом происшествии застала меня во время завтрака. Прочитав телеграмму, высланную миссис Хадсон, я не мог удержаться от сочувственного восклицания и передал телеграмму жене.

— Ты должен немедленно пойти к мистеру Холмсу и побить у него день-два, — сказала она. — Твоими пациентами всегда может заняться Энструтер.

В то время я жил в районе Паддингтон, и доехать до Бейкер-стрит было делом нескольких минут. Холмс, как я и думал, сидел в темно-красном халате на кушетке, откинувшись к стене, а его забинтованная правая нога покоилась на груди подушек. Слева от него на небольшом столике стоял микроскоп, а справа на кушетке лежал ворох прочитанных газет.

Я попросил его рассказать подробнее, что произошло. Холмс объяснил:

— Я слишком возгордился, Ватсон, и забыв посмотреть под ноги. Глупец!

— Но, безусловно, в какой-то мере вашу гордость можно понять. Задира не из слабых противников.

— Воистину нет. Его хвалят совершенно незаслуженно, и тому же он вышел на ринг в нетрезвом виде.

За разговорам я осмотрел Холмса и перебинтовал ему ногу.

— А знаете, мой дорогой, — продолжал я, пытаясь его подбодрить, — в известном смысле мне доставляет удовольствие видеть вас в таком беспомощном состоянии.

Холмс пристально посмотрел на меня.

— Да-да, — сказал я. — Вам придется обуздать свое нетерпение, раз уж вы прикованы к кушетке недели на две, а может быть, и больше. Только не поймите меня превратно: когда прошлым летом я имел честь познакомиться с вашим братом Майкрофтом, вы говорили, что он превосходит вас в умении наблюдать и размышлять.

— Это правда. Если бы искусство расследования начиналось и заканчивалось размышлением в кресле, мой брат был бы величайшим сыщиком на свете.

— Позволю себе усомниться. Так вот вы временно обречены на сидячий образ жизни. Мне доставит удовольствие увидеть, как вы продемонстрируете свои исключительные качества, когда столкнетесь с каким-нибудь случаем, требующим расследования.

— Мне нечего расследовать.

— Не унывайте. Случай не заставит себя ждать.

— Отдел происшествий в «Таймс», — сказал он, живя в сторону вораха газет, — абсолютно невыразителен. И даже радости изучения новой безвредной бактерии не бесконечны. А что касается утешителей, Ватсон, то я предпочел бы вам Иова.

Появление миссис Хадсон с письмом, которое доставил посыльный, заставило его умолкнуть. Хотя я, честно говоря, не ожидал, что мое пророчество сбудется так скоро, но не удержался от замечания о том, что послание написано на гербовой бумаге, которая, должно быть, стоит не меньше, чем полкроны за пачку. Однако я был обречен на разочарование. Нетерпеливо вскрыв письмо, Холмс раздраженно фыркнул.

— Вы неважный предсказатель, — сказал он, черкнув несколько слов ответа для передачи посыльному. — Это все-таки неграмотная записка от сэра Жерваса Дарлингтона. Он просит принять его завтра в одиннадцать часов утра и передать ответ с нарочным в клуб «Геркулес».

— Дарлингтон! По-моему, вы упоминали это имя и раньше, — заметил я.

— Да. Но тогда я имел в виду Дарлингтона-антиквара, который, заменив подлинную картину Леонардо да Винчи подделкой, вызвал такой скандал в Гровнер Гэллерни. А сэр Жервас — это другой, более знатный Дарлингтон. Это смелый негодяй. Он увлекается боксом и распутными женщинами. Впрочем, теперь ему приходится быть настороже.

— Вы меня заинтересовали, Холмс. Почему же!

— Я не увлекаюсь скачками. Однако мне помнится, что в прошлом году сэр Жервас выиграл целое состояние на скачках. Недоброжелатели шептались, что здесь не обошлось без подкупа и выведывания секретов. Будьте добры, Ватсон, уберите этот микроскоп.

Я повиновался. На маленьком столике остался лишь брошенный Холмсом листок гербовой бумаги. Из кармана халата он вынул золотую табакерку с большим аметистом в середине крышки, подаренную ему королем Богемии.

— Сейчас, — добавил он, — за каждым шагом сэра Дарлингтона тщательно следят. И как только он попытается связаться с каким-нибудь подозрительным типом, ему в лучшем случае предложат не появляться на скачках, а может быть, и отправят в тюрьму. Я не могу припомнить имя лошади, на которую он ставил...

— Леди Бенгала из конюшни лорда Хоува, от Индийского раджи и Графини. Она опередила на шестьсот метров всех остальных! — воскликнул я. — Хотя, конечно, я знаю о скачках лишь немногим больше, чем вы.

— Неужели, Ватсон!

— Холмс, в чем вы меня подозреваете? Я женатый человек, и мой счет в банке чрезвычайно высок. К тому же, какие

могут быть скачки в такую скверную погоду!

— Тем не менее до скачек Грэнд Нэшнл не так уж далеко.

— Вы правы, лорд Хоув уже заявил две свои лошади для участия в скачках. Многие считают фаворитом Дитя Грома, а на Скеернесс особых надежд не возлагают. Но мне трудно поверить в скандал, который связывают с этим спортом королей, — добавил я. — Лорд Хоув — порядочный человек.

— Вот именно. Поэтому-то среди его друзей нет сэра Жэрваса Дарлингтона.

— Но почему вы уверены, что сэр Жэрвас не скажет вам ничего интересного!

— Если бы вы знали этого джентльмена, Ватсон, вы бы сами поняли, что он никакого интереса не представляет, если не считать того, что он действительно грозный боксер тяжелого веса... — Холмс присвистнул. — Пойдите-ка! Ведь сэр Жэрвас сегодня утром был свидетелем моего глупого поединка.

— И что ему нужно от вас!

— Не имею ни малейшего представления, Ватсон, — сказал он. — Я очень рад, что вы пришли. Но, прошу вас, помолчите хотя бы ближайшие шесть часов. Иначе я скажу что-нибудь такое, о чем пожалее впоследствии.

И

ТАК, храня молчание даже за ужином, мы сидели допоздна в уютной комнате. Холмс угрюмо составлял картушку своих записей о преступлении, а я углубился в страницы Британского медицинского журнала.

Тишину нарушало лишь тиканье часов, потрескивающие сны да пронзительный морской ветер, который бросал в окна пригоршни капель дождя и завывал в трубе.

— Нет и нет, — ворчливо произнес, наконец, мой друг. — Оптимизм — это глупость. Конечно, никакое происшествие само не придет в мой... Тихо! Уж не звонок ли это!

— Да, да! Я отчетливо слышал, что звонят, несмотря на непогоду. Кто бы это мог быть!

— Если это человек, которому нужна моя помощь, — сказал Холмс, покосившись на часы, — то, должно быть, дело весьма серьезное. В два часа ночи в такую бурю зря не ходят.

Миссис Хадсон понадобилась целая вечность, чтобы встать с постели и открыть входную дверь. Наконец она ввела в комнату сразу двух посетителей. Они оживленно говорили по дороге, перебивая друг друга.

— Дедушка, не надо, — говорила молодая женщина. — В последний раз прошу, пожалуйста. Ты ведь не хочешь, чтобы мистер Холмс посчитал тебя, — тут она понизила голос до шепота, — за дурачка.

— Никакой я не дурачок! — воскликнул ее спутник. — Перестань, Нелли, я видел то, что видел. Надо было прийти и рассказать обо всем этому джентльмену еще вчера утром.

— Но, дедушка, ведь этот зал ужасов — очень страшное место. И тебе просто показались.

— Мне семьдесят шесть лет. И у меня воображения не больше, — сказал старик с гордостью, — чем у любой из восковых фигур. Это мне-то показалось! Мне, который служил ночным сторожем еще тогда, когда музей был на Бейкер-стрит!

Вошедшие умолкли. Коренастый старик с редкими седыми волосами был одет в мокрое от дождя коричневое пальто и клетчатые брюки. Грациозная, светловолосая, сероглазая внучка была совсем не похожа на деда. На ней была черная соломенная шляпка и строгий синий костюм с узкой полоской белых кружев на рукавах и воротнике. Она очень мило извинилась перед нами за столь поздний визит.

— Меня... меня зовут Элеонора Бэкстер, — добавила она. — Вы, наверно, уже догадались, что мой бедный дедушка работает ночным сторожем в музее восковых фигур мадам Топин на Марлибон-роуд. — Она остановилась. — О, у вас повреждена нога!

— Ничего особенного, мисс Бэкстер, — ответил Холмс. — Рад видеть вас обоих, Ватсон, возьмите пальто и зонтик у наших гостей; вот так. Теперь усаживайтесь. У меня есть нечто вроде костыля, но я уверен, вы простите, если я останусь из кутетки. Итак, о чем вы говорили!

Явно расстроенная упорством своего дедушки, мисс Бэкстер пристально глядела на маленький столик. Поймав взгляд Холмса, она вздрогнула и слегка покраснела.

— Сэр, вы знакомы с музеем восковых фигур мадам Топин!

— Он пользуется заслуженной известностью.

— Простите меня, пожалуйста! — Элеонора Бэкстер смущалась. — Я хотела спросить, вы когда-нибудь были в этом музее!

— Гм. Боюсь, что я слишком похож на моих соотечественников. Англичанин пожертвует жизнью, чтобы попасть в какое-нибудь отдаленное или недоступное место. Но он даже не взглянет на него, если оно находится в нескольких сотнях футов от дверей его дома. Вы бывали в музее мадам Топин, Ватсон!

— Нет, не был, — сознался я. — Но я немало слышал о зале ужасов, который расположен в подвале музея. Говорят, что администрация предлагает большую сумму денег любому, кто проведет в нем ночь.

Старый упрямец, который, судя по всему, страдал от сильного приступа ревматизма, тем не менее хрипло захихикал, усаживаясь в кресло.

— Боже вас сохрани, сэр, не верьте этой чепухе.

— Так это неправда!

— Здесь нет правды ни на грош, сэр. Вам и не позволят этого. Ведь любитель приключений может закурить сигару или что там еще. А они до смерти боятся пожара.

— Я понимаю так, — сказал Холмс, — что зал ужасов вас не беспокоит!

— Нет, сэр, совсем нет. Они там даже поставили старину Чарли Питса. Он рядом с Марвудом, палачом, который вздернул Чарли лет одиннадцать тому назад. Они вроде как друзья, но, что правда, то правда, сэр, — старик повысил голос, — мне совсем не нравится, когда эти проклятые восковые фигуры начинают играть в карты!

Она задрезбжала от порыва ветра, Холмс с интересом наклонился вперед.

— Вы сказали: восковые фигуры играли в карты!

— Да, сэр. Слово Сэма Бэкстера!

— Все фигуры участвовали в игре или только некоторые!

— Только две, сэр.

— Откуда вы это знаете, мистер Бэкстер! Вы видели, как они играли!

— Боже сохрани, сэр, только этого не хватало! Но что мне оставалось думать, если один из них сбросил часть своих карт или взял взятку, а все карты на столе лежат в беспорядке. Может, мне надо объяснить подробнее, сэр!

— Конечно, — попросил Холмс с явным удовлетворением.

— Видите ли, сэр, за ночь я спускаюсь в зал ужасов один-два раза. Это большая полутемная комната. Почему я не хожу туда чаще, — это из-за моего ревматизма! Спрячьте прямо-таки пополам, уж это так.

— Бедняга, — с сочувствием промолвил Холмс, подвигая коробку с нюхательным табаком к старику.

— Ничего не поделаешь, сэр! Моя Нелли — славная девушка, даром что образованная и занимается чистой работой. Всякий раз, когда ревматизм разыграется — вот как на этой неделе, — она поднимается каждый божий день спозаранку и заходит за мной в семь часов. Я в это время кончаю дежурство, и она помогает мне сесть на омнибус. А сегодня Нелли — она уж слишком беспокоится — пришла ночью, час назад, вместе с Бобом Парснипом. Этот парень остался дежурить за меня. И тогда я сказал ей: «Я читал об этом месте Холмсе. Он живет в двух шагах отсюда, пойдем расскажем ему». И вот мы здесь.

Холмс кивнул головой.

— Понимаю, мистер Бэкстер. Но вы говорили о прошлой ночи!

— Ну да! Про зал ужасов. Там с одной стороны устроены вроде как живые картины. Как бы это вам объяснить: вдоль стены сделаны закутки, загороженные решеткой, чтобы никто не мог туда войти, а в каждом закутке — восковые фигуры. Вот эти живые картины изображают «Историю одного преступления». Это об одном молодом джентльмене. Надо вам сказать, он очень симпатичный малый, только слабохарактерный. Так вот, он попадает в плохую компанию. Играет в карты и проигрывает свои деньги. Потом убивает старого злодея и в конце концов попадает на виселицу, как Чарли Питс. Словом, это вроде как... э...

— Нравоучительная история, да! Учтите это, Ватсон. Итак, мистер Бэкстер!

— Так вот, сэр! Все произошло в том проклятом закутке

ке, где изображается карточная игра. Там их двое: молодой джентльмен и старикан. Конечно, золото не настоящее. Все это, понятно, происходит не сейчас, а в старые времена, когда носили чулки и туфли с пряжками.

— Костюмы восемнадцатого века!

— Так оно и есть, сэр. Молодой джентльмен сидит за дальним концом стола, лицом к вам. А старый злодей сидит, повернувшись спиной, и вроде как смеется. В поднятой руке он держит карты, так что их видно из зала.

Так вот, насчет прошлой ночи. Я имею в виду, конечно, позавчерашнюю, сэр, потому что сейчас уже дело идет к утру. Я прошел мимо этих проклятых картежников и ничего такого не заметил. А потом, через час, вдруг вспомнил: «Что-то у них там не так!». Никакого особенного беспорядка не было, но я уж настолько привык к этим игрокам, что никто бы и не заметил, кроме меня, в случае чего. «Что же там неладно!», — думаю. Ну, пошел вниз, чтобы глянуть еще раз. Да поможет мне господь! Старый злодей держал в руке меньше карт, чем ему полагалось. То ли он их сбросил, то ли взятку взял, и к тому же они, как видно, трогали карты на столе.

У меня фантазии, конечно, никакой нет. И мне она ни к

чему. А было мне не по себе: ревматизм да тут еще это. Я не стал ничего рассказывать — ну на случай, что мне это, может, почудилось. А днем подумал: «Пожалуй, приснилось». Таки-нет! Сегодня ночью я увидел то же самое.

Знаете, я не сумасшедший. Что вижу, то вижу! Вы, может, скажете, что кто-нибудь решил пошутить — вынул из руки карты, перемешал их и все такое. Но днем-то никто не смог бы это сделать, его бы увидели. Правда, ночью такую штуку можно проделать: есть там одна боковая дверь, которая плохо запирается. Только ведь это никак не похоже на шутки посетителей. Они, бывает, фальшивую бородку приклеят королеве Анне или там соломенную шляпку наденут Наполеону. Но если кто-то играл в карты за этих двух проклятых чучел, то кто этим занимался и для чего?

ШЕРЛОК Холмс помолчал, потом почесался на свою забинтованную ногу.

— Мистер Бэкстер, — сказал он серьезным тоном, — ваша выдержка заставляет меня стыдиться за мою глупую раздражительность. Я буду счастлив заняться этим делом.

— Мистер Холмс, — воскликнула Элеонора Бэкстер в явном недоумении, — неужели вы приняли все это всерьез!

— Простите меня, мадам. Мистер Бэкстер, во что играют восковые игроки, в какую именно игру!

— Не знаю, сэр. Сам не раз думал об этом. Может, «наполеон», а, может, «вист» — не знаю точно.

— Вы сказали, что фигура, которая сидит спиной к зрителям, держит меньше карт, чем надо. А сколько карт она сбросила!

Сторож недоумевающе поглядел на Холмса.

— Не заметили! Н-да, очень жаль! Тогда я попрошу вас тщательно обдумать очень существенный вопрос. Эти фигуры играли на деньги!

— Дорогой Холмс... — начал было я, но взгляд моего друга заставил меня остановиться.

— Вы говорили, мистер Бэкстер, что карты на столе были сдвинуты с обычных мест или, во всяком случае, их трогали. А золотые монеты тоже были сдвинуты!

— Насколько я помню, — ответил сторож после размышления, — нет, сэр, не тронуты!

Глаза Холмса заблестели, и он потер руки.

— Я так и думал, — сказал он. — К счастью, я имею возможность заняться этой проблемой, так как у меня сейчас нет ничего срочного, если не считать предстоящего мало-привлекательного дела, которое, кажется, касается сэра Жерваса Дарлингтона, а может быть, и лорда Хоува, Лорд Хоув... Боже мой, мисс Бэкстер, что случилось!

Элеонора Бэкстер, вставая с кресла, смотрела на Холмса удивленными глазами.

— Вы сказали, лорд Хоув! — спросила она.

— Да. Могу ли я спросить, откуда вам знакомо это имя!

— Просто потому, что я у него работаю.

— Неужели! — сказал Холмс, удивленно подняв брови. —

Ах, да. Насколько я понимаю, вы печатаете на машинке. Об этом сразу говорит складка на бархатном костюме чуть выше запястья, там, где рука упирается о стол. Стало быть, вы знакомы с лордом Хоувом!

— Нет, я никогда даже не видела его, хотя мне приходилось много печатать на машинке в его лондонском доме на Парк-лейн. Такая незначительная служащая, как я...

— Н-да, это еще печальнее! Однако надо сделать все, что мы можем. Ватсон, у вас есть какие-нибудь представления против того, чтобы выйти на улицу в такую бурную ночь!

— Никаких, — сказал я, весьма удивленный. — Но зачем!

— Все из-за этой проклятой кушетки, мой друг! И раз уж я прикован к ней, как к больничной койке, вам придется стать моим глазами. Мистер Бэкстер, мне совестию тревожить ваш ревматизм, но, может быть, вы проводите доктора Ватсона в зал ужасов! Он там пробудет недолго. Благодарю вас, отлично.

— Что я там буду делать! — спросил я.

— Возьмите в верхнем ящике моего письменного стола конверты.

— А потом!

— Подсчитайте, пожалуйста, число карт в руках каждой из восковых фигур. Затем, точно в таком же порядке, в котором они располагаются слева направо, вложите каждую

подборку в отдельные конверты и надпишите их. То же самое проделайте с картами на столе и принесите их сюда как можно быстрее.

— Сэр... — начал взволнованно старик.

— Нет, мистер Бэкстер, я предпочел бы ничего не говорить сейчас. У меня только рабочая гипотеза, но, мне кажется, с ней связана одна, почти непреодолимая трудность. — Холмс нахмурился. — Нам очень важно выяснить, что это за игра — во всех смыслах этого слова — идет в музее восковых фигур.

В МЕСТЕ с Сэмюэлем Бэкстером и его внучкой я двинулся в путь сквозь дождь и темноту. Через десять минут, несмотря на протесты мисс Бэкстер, мы втроем уже стояли в зале ужасов перед сценической, изображавшей игру в карты.

Роберт Парснип, довольно симпатичный юноша, явно плененный чарами Элеоноры Бэкстер, зажег газ. В запаленных шарах светильников запылали голубоватые языки пламени, бросая скудный свет на зловещие восковые фигуры. В их неподвижности было что-то от спокойствия пауков, подстерегающих добычу. Они, казалось, ждали, когда пришелец отвернется, чтобы протянуть к нему руки.

Музей мадам Топин слишком хорошо известен, описывать его нет нужды. Должен сознаться, что «История одного преступления» произвела на меня тягостное впечатление. Фигуры в париках с короткими шлагами восемнадцатого столетия были совсем как живые. Если бы я действительно грешил пристрастием к азартным играм, в котором обвинил меня Холмс, это зрелище вполне могло бы потревожить мою совесть.

Впечатление усилилось, когда мы, пригнувшись, пробрались под железную загородку и подошли к двум игрокам.

— Нелли, не смей трогать карты! — прикрикнул мистер Бэкстер. В своих владениях он был гораздо более резок и вспыльчив. — Взгляните-ка туда, сэр! — обратился он ко мне. — В руке старика — одна, две... девять карт. А молодой джентльмен держит шестнадцать.

— Прислушайтесь! — шепнула девушка. — Кажется, наверху кто-то ходит!

— Да брось ты, Нелли, это Боб Парснип. Больше никому.

— Как вы и говорили, карты лежат в беспорядке на столе, — заметил я. — Но не все. Часть колоды — та, что перед вашим «молодым джентльменом», — вообще не тронута. Около его локтя лежит двенадцать карт.

— Около старого злодея девятнадцать. Чудная игра, сэр! Я согласился с ним. Испытывая непонятное омерзение от прикосновения к восковым пальцам, я взял карты, вложил их в конверты, потом собрал карты со стола, пометил конверты и, не мешкая, двинулся к выходу из зловещего подвала. Несмотря на испуганные протесты сторожа, я отправил его вместе с внучкой домой на случайно подвернувшимся кэбе, кучер которого только что сложил какого-то безнадежно пьяного пассажира у дверей его дома.

Я с облегчением вернулся в уютную теплоту гостиной моего друга и с огорчением увидел, что Холмс встал с кушетки. Он стоял у письменного стола, опираясь на костыль, и внимательно изучал раскрытый атлас.

— Ну хватит, Ватсон! — прервал он мои протесты. — Вы принесли конверты! Хорошо. Дайте их мне. Благодарю вас. В руке у старшего из игроков, который сидит, повернувшись спиной, было девять карт. Так!

— Холмс, это поразительно! Откуда вы это узнали!

— Логика, мой дорогой. Теперь давайте взглянем на них.

— Погодите минутку, — сказал я твердо. — Вы уже говорили мне про костыль, но где вы раздобыли его так быстро? К тому же костыль какой-то необычный. Он, наверное, сделан из какого-то легкого металла...

— Так это же мой костыль.

— Ваш!

— Да. Он сделан из алюминия. Это память об одной давней истории. Я как-то говорил вам о нем, но вы забыли. А теперь давайте забудем о костыле и займемся картами. Прекрасно, прекрасно!

Разложи я перед ним все сокровища Голконды, Холмс не пришел бы в больший восторг. Он даже развеселился, когда я рассказывал ему обо всем, что видел и слышал.

— Что, вы все еще не понимаете? Тогда возьмите эти десять карт, Ватсон. Кладите их на стол по порядку и называйте каждую,

— Валет бубен, — начал я, раскладывая карты рядом с лампой, — семерка червей, туз треф. Боже праведный, Холмс!

— Значит, вы что-то заметили!

— Да. Тут два туза треф, один за другим!

— Я же говорил, что это прекрасно. Но вы положили только четыре карты. Продолжайте.

— Двойка пик, — сказал я, — десятка червей. Смотрите, Холмс! Третий туз треф и еще два бубновых валаета!

— Какой же вывод следует из этого!

— Холмс, пожалуй, я понял. Музей мадам Топин славится искусством изображения подлинной жизни. Восковой старик — отпетый игрок, обманывающий молодого человека. В этой сцене тонко указано, что он выигрывает, передергивая карты.

— Не так уж тонко, я бы сказал. Даже такой закоренелый игрок, как вы, Ватсон, конечно, почувствовал бы себя не очень ловко, если бы ему пришлось сбрасывать карты, имея в руке три бубновых валаета и три трефовых туза.

— Вы правы, Холмс.

— Это еще не все. Если вы пересчитаете все карты — те, которые были в руках игроков, и те, которые лежали на столе, — вы заметите, что их пятьдесят шесть. На четыре карты больше, чем должно быть в одной колоде.

— Какой смысл во всем этом!

Холмс взял атлас и нетерпеливо раскрыл его.

— В устье Темзы, — прочел он, — на острове...

— Холмс, я вас спрашиваю, как объяснить всю эту историю с восковыми картежниками!

— Это и есть ответ.

У меня очень покладистый характер. Но когда Холмс вместе с пояснением начал выпроваживать меня наверх в мою старую комнату, я энергично запротестовал. Я тщетно ломал голову над загадкой. Однако в конце концов сон меня побороп.

К ОГДА я спустился к завтраку, было почти одиннадцать часов. Шерлок Холмс уже позавтракал и сидел на кушетке, непринужденно беседуя с мисс Элеонорой.

Однако, когда я было потянулся к звонку, чтобы попросить принести яичницу с беконом, он остановил меня суровым взглядом.

— Мисс Бэкстер, — сказал Холмс, — хотя кое-какие возражения против моей гипотезы все еще остаются в силе, пришло время сказать вам нечто исключительно важное. Что за черт!..

Дверь в комнату внезапно открылась. Если говорить точно, она с треском распахнулась от удара ноги. Но это была, по-видимому, шутка вошедшего: он громко расхохотался.

На пороге стоял дорожный, краснолицый джентльмен в лоснящей шляпе, дорогом фраке, умышленно незастегнутом, чтобы были видны бриллианты на цепочке часов и пламенеющий рубин на галстуке.

Он был пониже ростом, чем Холмс, но гораздо шире и тяжелее его. Честно говоря, его фигура не очень отличалась от моей. Незнакомец снова громко захохотал, его хитрые маленькие глаза блеснули, когда он поднял кожаный мешок и потряс им.

— Так вот вы где, приятель! — гаркнул он. — Ты из Скотланд-Ярда, верно! Тысяча золотых соверенов, и все твои, только попроси.

Шерлок Холмс, несмотря на изумление, сохранял полнейшее спокойствие.

— Сэр Жерваз Дарлингтон, я полагаю!

Не обращая ни малейшего внимания ни на мисс Бэкстер, ни на меня, посетитель пересек комнату и потряс мешком с монетами под носом Холмса.

— Это я, мистер сыщик! — сказал он. — Видел, как ты дрался вчера. Ты можешь лучше, но все равно годишься.

Когда-нибудь тотализатор в боксе узаконят. А пока джентльмену приходится устраивать небольшую симпатичную потасовку тайком. Впрочем, подожди минуточку.

Внезапно он легко, как кошка, несмотря на свой вес, подошел к окну и внимательно пометрел вниз на улицу.

— Этот старый Филеас Бэлч, будь он проклят! Приставил ко мне человека, и тот ходит за мной по пятам несколько месяцев. И двух проклятых лакеев, одного за другим, чтобы они тайком вскрывали мои письма. Я даже сломал одному из них

спину... — Сэр Жэрвас снова оглушительно захохотал. — Все это ерунда!

Холмс, казалось, изменился в лице, но через мгновение, когда сэр Жэрвас, отвернувшись от окна, швырнул на кушетку мешок с деньгами, снова был холоден и невозмутим.

— Держи денежки, скотландярдовец. У меня их хватает. Теперь слушай. Через три месяца мы устроим тебе матч с Джемом Гарликом — Бристольским сокрушителем. Подведешь — шкуру спущу. Потрафишь — буду тебе покровительствовать. Если на ринг выйдет неизвестный парень вроде тебя, я могу сделать ставки восемь к одному.

— Насколько я понимаю, сэр Жэрвас, — сказал Холмс, — вы хотите, чтобы я дрался на ринге, как профессиональный боксер?

— Ты разве не скотландярдовец? Понимаешь английский язык!

— Когда говорят на нем, то понимаю.

— Это что, шутка! Так вот это — тоже!

Тяжелый кулак со свистом описал дугу, которая прошла — как это и было задумано — в дюйме от носа моего друга. Холмс даже не моргнул глазом. Сэр Жэрвас снова затрясся от смеха.

— Следя за своими манерами, мистер сыщик, когда говоришь с джентльменом. Я мог бы сложить тебя вдвое, даже если бы у тебя не болела нога, будь я проклят!

Элеонора Бэкстер, поблагодарив, сдавленно крикнула и, казалось, хотела вжаться в стену.

— Сэр Жэрвас! — вступилась я. — Будьте добры воздержаться от оскорбительных выражений в присутствии дамы.

Наш гость мгновенно повернулся и нагло смерил меня взглядом с головы до ног.

— Это кто! Уатсон! Костопправ!

Он подошел ко мне.

— Ты понимаешь что-нибудь в боксе?

— Нет, — сказал я. — То есть немного.

— Тогда смотри, как бы тебе не преподели урок, — отрезал сэр Жэрвас и захохотал снова. — Дама! Какая дама!

При виде мисс Бэкстер он, казалось, несколько смутился, но затем воззрился на нее как истинный сердцеед.

— Не дама, костопправ. А очаровательная малютка, будь я проклят.

— Сэр Жэрвас, — сказал я, — вы предупреждены в последний раз.

— Подождите, Уатсон, — послышался спокойный голос Шерлока Холмса. — Вы должны простить сэра Жэрваса Дарлингтона. Он, наверное, еще не оправился после посещения музея восковых фигур мадам Топин. Ведь это было три дня назад.

В НАСТУПИВШЕЙ тишине можно было услышать потрескивание угля в камине. Но наш гость оказался не из пугливых.

— Ты, я вижу, заправский скотландярдовец! — усмехнулся он. — Кто тебе сказал, что я был у мадам Топин три дня назад!

— Никто. Но это ясно следует из фактов, которыми я располагаю. Такой визит выглядел вполне невинно, не так ли? Он не мог вызвать подозрения у тех, кто следил за вами. Например, у человека, нанятого известным любителем спорта сэром Филеасом Бэлчем. А он не хочет, чтобы вам удалось выиграть еще одно состояние, снова получив тайную информацию, как это произошло в прошлом году.

— Меня это не интересует!

— Неужели! А я уверен, что при ваших спортивных наклонностях вы должны интересоваться картами.

— Картами!

— Игральными картами, — невозмутимо пояснил Холмс, вынув несколько карт из кармана халата и развернув их веером. — Вот этими девятью картами.

— Что все это значит, черт возьми!

— Очень существенно, сэр Жэрвас, что случайный посетитель зала ужасов, проходя мимо сцены карточной игры, может увидеть карты в руке одной из восковых фигур. Для этого достаточно одного, вполне невинного взгляда.

Однажды ночью с этими картами была проделана странная манипуляция. Карты в руке «молодого джентльмена» остались нетронутыми. Об этом говорит пыль, которая их покрывает. Кто-то вынул несколько карт из руки так называемого «старого злодея», бросил их на стол, а потом добавив

четыре карты не менее, чем из двух новых колод. Для чего же это было сделано! Нет, дело не в том, что кто-то захотел подшутить, создать видимость азартной игры восковых фигур. Если бы автор проделки думал об этом, он передвинув бы и бугафорские монеты. Но монеты остались на месте. Ответ прост и очевиден. В английском алфавите двадцать шесть букв. Если двадцать шесть умножить на два, то получится пятьдесят два. Это — число карт в колоде. Если каждой букве будет соответствовать какая-нибудь карта, то нетрудно составить крайне несложный шифр...

Сэр Жэрвас засмеялся произвольным металлическим смехом.

— Шифр, — презрительно повторил он, трогая красной рукой рубин на своем галстуке. — Что это такое, о чем болтает этот дурак!

— ...который, однако, можно легко раскрыть, — продолжал Холмс, — если послание, состоящее всего из девяти букв, содержит двойное «е» или двойное «с». Давайте предположим, что бубновый валет обозначает букву «с», а туз треф — букву «е».

— Холмс, — прервал я своего друга. — Может быть, это интуиция. Но не логика! Почему вы считаете, что в сообщении должны быть эти буквы!

— Потому что я уже знаю само сообщение. Вы сами сказали.

— Я!

— Да, вы, Уатсон. Если эти карты обозначают буквы, которые я назвал, мы имеем двойное «е» в первой половине и двойное «с» на конце. Как мы видим, слово должно начинаться с буквы «с», а перед двойным «с» в конце есть еще одно «е». Не требуется особой хитрости, чтобы получить слово «Скеернесс».

— Но какое, черт возьми, отношение имеет «Скеернесс»... — начал я.

— Если говорить о географии, вы найдете его в устье Темзы, — прервал меня Холмс. — Но, кроме того, как вы сказали мне, это — имя лошади лорда Хоува. Эта лошадь заявлена для участия в скачках на приз, хотя, по вашим словам, на нее особенно не рассчитывают. Но если эту лошадь вытенировали в глубочайшей тайне, как другого неожиданного победителя, вроде Леди Бенгала...

— ...то любой игрок, — досказал я, — который смог бы выведать тайну и поставил бы на эту лошадь, сорвал бы колоссальный куш!

Шерлок Холмс протянул вперед руку с веером из карт. — Милая мисс Элеонора Бэкстер, — воскликнул он с печальной суровостью в голосе, — зачем вы позволили сэру Жэрвасу Дарлингтону уговорить себя! Ваш дедушка будет очень огорчен, если узнает, что вы воспользовались музеем восковых фигур, чтобы оставить это послание и сообщить сэру Жэрвасу Дарлингтону то, что он хотел узнать, даже не разговаривая с ним, не посылая ему письма и оставаясь вдали от него.

Еле держась на ногах, запынаясь, мисс Бэкстер вроборч молала что-то в ответ.

— Нет, нет, — сказал Холмс мягко. — Это не годится. Ведь я узнал о вашем знакомстве с сэром Жэрвасом через несколько минут после того, как вы пришли ко мне вчера вечером.

— Мистер Холмс, вы не могли знать этого!

— И все-таки это правда. Видите этот маленький стол слева! Когда вы пришли ко мне, на столе не было ничего, кроме листка бумаги, украшенного довольно живописным гербом сэра Жэрваса Дарлингтона.

— О боже, помоги мне! — воскликнула несчастная молодая женщина.

— Вы вели себя довольно странно. Пристально смотрели на стол, как будто увидели что-то знакомое. Когда вы почувствовали на себе мой взгляд, вы вздрогнули и покраснели. С помощью, казалось бы, случайных замечаний я выяснил, что вы работаете у лорда Хоува, владельца Скеернесса.

— Нет, нет, нет!

— Вам было нетрудно вложить новые карты вместо тех, которые держала восковая фигура. Как сказал ваш дедушка, в зале есть боковая дверь, которая плохо закрывается. Вы могли тайком заменить карты ночью перед тем, как зашли за дедушкой в обычное время, чтобы проводить его утром домой. Вы могли бы вовремя уничтожить улики, если бы дедушка в первую ночь сразу рассказал вам о необычном про-

исшествия в музее. Но он сказал вам об этом лишь на следующую ночь, когда там, кроме него, находился и Роберт Парснелл, и вы не могли остаться там в одиночестве. И вовсе неудивительно, что вы запротестовали, когда дедушка захотел пообщаться со мной. Позднее, как об этом без всякого заднего умысла рассказал мне доктор Ватсон, вы пытались выхватить карты из руки восковой фигуры и разбросать их.

ХОЛМС, — воскликнул я, — прекратите эту пытку! Настоящий виновник не мисс Бэкстер, а этот негодяй, который стоит и смеется над нами!

— Поверьте мне, мисс Бэкстер, я не стал бы огорчать вас, — сказал Холмс. — Я не сомневаюсь, что вы случайно узнали о Скеернессе. Спортивные туры разговаривают, не остерегаясь, когда они слышат лишь безобидное стрекотание пишущей машинки в соседней комнате. Но сэр Жэрвас задолго до того, как за ним стали тщательно следить, должно быть, убедил вас держать уши открытыми и связаться с ним этим хитроумным путем, если вы раздобудете ценную информацию.

На первый взгляд, этот метод казался чересчур хитроумным. По правде говоря, я не мог понять, почему вы не могли просто написать ему. Но когда он сам пришел сюда, я узнал, что даже его письма тайно просматривались. Следовательно, карты были единственным возможным способом. Теперь у нас есть доказательства...

— Нет, клянусь богом! — сказал сэр Жэрвас Дарлингтон. — У вас нет никаких доказательств вовсе!

Его левая рука, стремительная, как жалящая змея, выхватила карты у Холмса. Когда мой друг инстинктивно встал, закусила губы, чтобы не вскрикнуть от боли в лодыжке, сэр Жэрвас ударом правой ладони по шее отшвырнул его обратно на кушетку.

Вновь загремел торжествующий смех.

— Жэрвас! — умоляюще воскликнула мисс Бэкстер, ломая руки. — Ну, пожалуйста! Не гляди так на меня! Я не хотела повредить тебе!

— О, нет, — сказал он с грубой ухмылкой. — Не-е-т! Ты пришла сюда предать меня, так! Решила заставить меня поступать по-твоему! Ты не лучше, чем тебе полагалось быть, и я скажу об этом каждому, кто меня спросит. А сейчас не путайся под ногами, черт возьми!

— Сэр Жэрвас, — сказал я. — Я вас уже предупредил в последний раз.

— Костоправ вмешивается, да! Я тебе...

Теперь я готов признать, что это была скорее удача, чем расчет. Впрочем, могу добавить, что я проворнее, чем думают мои друзья. Достаточно сказать, что мисс Бэкстер издавала вопль.

Несмотря на боль в ноге, Шерлок Холмс вновь спрыгнул с кушетки.

— Боже мой, Ватсон! Более великолепного удара левой в подбородок и правой в голову я просто не видел. Вы так здорово его уложили, что он десяток минут не придет в себя!

— Надеюсь, — сказал я, подув на ушибленные суставы пальцев, — что бедная мисс Бэкстер не очень огорчена шумом, с которым он грохнулся на пол! К тому же мне было бы неприятно встревожить миссис Хадсон, которая идет сюда, как я слышу, с яичницей.

— Вы славный, старина Ватсон!

— Почему вы улыбаетесь, Холмс! Разве я сказал что-нибудь смешное!

— Нет, нет, упаси бог! Однако иногда у меня возникает подозрение, что я, возможно, более поверхностный, а вы более глубокий человек, чем я обычно думаю.

— Ваше ехидство мне непонятно. Но, во всяком случае, доказательства у нас. Только вы не должны публично разоблачать сэра Жэрваса Дарлингтона, иначе тем самым вы подведете и мисс Бэкстер!

— Гм! Но я должен свести счеты с этим джентльменом, Ватсон! Его предложение о карьере профессионального боксера, честно говоря, меня не обидело. В своем роде это немалый комплимент. Но принять меня за сыщика из Скотланд-Ярда! Такого оскорбления я не смогу ни забыть, ни простить.

— Холмс, я не так уж часто прошу вас об одолжении.

— Ну ладно. Пусть будет по-вашему. Мы сохраним эти

карты лишь на крайний случай, если эта спящая красавица опять поведет себя плохо. А что касается мисс Бэкстер...

— Я любила его! — воскликнула с горячностью девушка. — Или, во всяком случае, думала, что люблю.

— Мисс Бэкстер, Ватсон будет хранить молчание так долго, как вы пожелаете. Он не должен рассказывать об этой истории до той отдаленной даты, когда вы, может быть, уже став прапрабабушкой, улыбнетесь и дадите ему разрешение. Не пройдет и пятидесяти лет, как вы забудете сэра Жэрваса Дарлингтона.

— Никогда, никогда, никогда!

— О, а я уверен, — улыбнулся Шерлок Холмс. — «Сначала бросаются очертя голову, потом устают. Такова любовь». В этой французской эпиграмме больше мудрости, чем во всех произведениях Генрика Ибсена.

Хелен Мельян

ДЕЛО ВСЕЙ ЕЕ ЖИЗНИ

ЗАСТАНАВ и сморщившись, словно от зубной боли, Фрэнк оторвался от рукописи и встретился взглядом с Мирной, смотревшей на него с вожденным ожиданием. Ну, что он мог сказать! Этот рассказ был так же плох, как и все остальные, написанные его женой. Нет, пожалуй, он был еще хуже. Ее просьба прочесть это в четыре часа утра была очередным тягостным испытанием его редакторской снисходительности.

— Геронья рассказа — писательница! — с воодушевлением сказала Мирна.

Все ее героини были писательницами. Теперь, когда она стщила детективы, они были писательницами, которые либо умирали на своей смерти, либо оставались жить с одной-единственной целью — найти и заклеить убийцу. А когда в прошлом году она сочиняла детские рассказы, ее героинями были сплошь маленькие очкастые девочки, мечтающие вырасти только для того, чтобы стать писательницами. В позапрошлом году, когда они только появились, Мирна писала для женских журналов, ее героини были домохозяйками и без устали кропали слащавые стишки, в то время как их мужья зарабатывали на жизнь.

Фрэнк прекрасно знал, чем занималась Мирна, когда он зарабатывал на жизнь. Она спала. Ночью, когда он безуспешно пытался заснуть, — писала.

— Конечно, здесь только первые три главы, но, я думаю, ты почувствовал, что мне хотелось выразить. А теперь скажи, дорогой, как ты находишь мотивации поступков моих героев?

Фрэнк вымученно улыбнулся.

— Прекрасно. Чудные мотивации. А сейчас мне можно пойти спать!

— Разумеется, дорогой, только не храпи так громко, — проворковала Мирна, элегантно отнимая рукопись. — Я непременно обязана закончить четвертую главу. Ты найдешь ее на столе в кухне после четырех часов утра.

И предупредительная супруга выпорхнула из спальни, забыв, как обычно, выключить свет и закрыть двери. В тот же миг стрекот пишущей машинки вновь начал терзать слух Фрэнка. Слегка забывшись, он видел во сне чечеточников, барабанчиков, отбойные молотки, — все, что было созвучно рат-а-тат-тат Мирниной машинки. И так всю ночь.

Фрэнк знал, что Мирна была писательницей еще до того, как женился на ней. Писательницей непубликующейся, но тем не менее очень одаренной, по мнению многочисленных родственников, удостоившихся чести ознакомиться с ее произведениями. Фрэнк находил ее самоуверенность очаровательной. Он решил тогда, что это милейшее существо нуждается в защите от окружающего мира, населенного брюзгами-редакторами и непробиваемыми критиками. И Мирна с ним сразу же согласилась. Они поженились после бурного периода ухаживания, во время которого она написала три рассказа, повесть и отвратительную двухактную драму.

Затем, во время медового месяца, Фрэнк узнал еще парочку любопытных вещей. «Приливы вдохновения», как их называла она, начинались у нее очоло часа ночи и длились до четырех утра. Но самым занимательным в этом было навязчивое постоянство Мирны, пожелавшей делить с супругом не только ложе, но и плоды своих творческих озарений.

— Ты не должен ревновать, милый, — сказала она в первую брачную ночь, выскальзывая из его объятий и распакывая портативную пишущую машинку. — Это дело всей моей жизни, моя первая любовь.

В утешенье супругу в ту же ночь она написала и прочла ему безумно нежный рассказ о писательнице, которая, по-

знав радости замужества, тут же скончалась от неизлечимой болезни.

НО, как бы то ни было, Мирна не умерла. Рассказ, конечно, не был опубликован, равно как и остальные безумно нежные, безумно остроумные и безумно драматические его собратья, на создание которых Мирна тратила столько усилий каждую ночь. Фрэнк лелеял надежду, что растущая на столе жены гора отказов из редакций как-то умерит ее пыл. Но Мирна оказалась на редкость неунывающей писательницей. «Дело всей жизни» на шло на убыль. И являлось, кстати, исчерпывающей мотивацией того, почему у Мирны никогда не было времени готовить обеды и делать уборку.

Так привычно уныло думал Фрэнк, надевая носки и поглядывая на часы. Мирна не могла не сдержать обещания, и его наперняка уже ждал отчет о творчески проведенной ночи.

— Мирна, я требую развода, — зевнув, безнадежно сказал Фрэнк. — Мирна, ты слышишь!

Мирна, сладко заснувшая на десять последующих часов, не ответила. Она проснется как раз тогда, когда Фрэнк вечером придет с работы, и будет взволнованно пересказывать ему очередной захватывающий сюжет. А когда он будет мыть посуду и делать уборку, она растянется на софе, читая «Справочник писателя». Когда он уткнется, наконец, в телевизор, она будет долго мылжух в ванной и думать. [Лучше всего Мирне думалось именно там. По ее словам, так делают многие писатели]. Затем, когда он будет ложиться спать, она наденет свое лучшее платье и сядет за стол в гостиной, потирая руки в ожидании «прилива вдохновения».

Вот уже в течение года Фрэнк пытался поговорить с ней о разводе. Но Мирне было некогда. Когда она не спала, она писала, когда не писала — думала, что писать. Фрэнк сунул ноги в тапочки и пошел на кухню чего-нибудь перекусить.

Само собой разумеется, там его уже дожидался сюрприз — толстая пачка отпечатанных на машинке листов и записка: «Дорогой, я закончила рассказ, но не смогла до тебя добудиться — ты спал, как настоящий медведь. Пожалуйста, прочти главы с первой по четвертую и сделай пометки карандашом. [Только не ручкой!]. И еще, дорогой, напиши, уверен ли ты, что моя мотивация достаточно убедительна! В конце концов, речь идет об убийстве!!! Целую. Мирна».

ФРЭНК взял карандаш и начал читать. Наученный горьким опытом, он знал, что если не прочтет это сейчас, то главы с первой по четвертую будут ждать его за ужином.

«Он был миролюбив и добр по натуре, но, доведенный до отчаяния, не мог больше отвечать за свои поступки и стал действовать бесконтрольно».

— Хорошая мотивация, — написал карандашом Фрэнк. — Очень хорошая, отличная мотивация.

«Она пришла в три часа дня с кипой исписанных листов, задернула шторы и включила свет. Он уже ждал ее с пистолетом наготове. Листы бумаги посыпались на пол. С проинициальностью, присущей только истинным писателям и знатокам человеческих душ, она догадалась, что у него на уме. Убийство!»

— Ты знаешь, — неожиданно для самого себя нацарапал Фрэнк, — написано отвратительно, но мотивация превосходна!

«Печатай, — приказал он, приставив к ее шею дуло пистолета. — Мы должны инсценировать самоубийство. Заткнись и печатай то, что я тебе скажу».

И она начала печатать под его диктовку, еле нащупывая клавиши дрожащими пальцами...».

Фрэнк написал:

— Просто воспитательно!

— Печатай, — приказал он вечером жене, приставив к ее шею дуло пистолета. — Мы должны инсценировать самоубийство. Заткнись и печатай то, что я тебе скажу».

И она начала печатать под его диктовку, еле нащупывая клавиши дрожащими пальцами.

— Самый последний рассказ Мирны Кьютел, — беспощадно продиктовал Фрэнк,

ГИБЕЛЬ „ХРОНОСА“

Сергей Казменко

— К ВАМ посетитель, господин редактор, — раздался в переговорном устройстве голос секретарши.

— Хорошо, пусть войдет, — ответил Бьер. Вот и началась его работа. Неожиданно все получилось. Еще позавчера, до ежегодного банкета в редакции «Хроноса», он был всего лишь редактором отдела информации. И представить себе не мог, что сегодня окажется уже в этом кабинете, будет сидеть за этим столом, за столом главного редактора «Хроноса», одного из самых влиятельных журналов в мире, что окажется фактически во главе мощной корпорации и будет принимать посетителей в этом своем новом качестве. Все случилось совершенно неожиданно, хотя временами ему и казалось, что он предчувствовал возможность такого поворота событий. Но мало ли бывает у человека предчувствия! Почему-то значение придается только тем из них, которые сбываются, про остальные человек просто напросто забывает.

Дверь кабинета отворилась и пропустила посетителя. Бьер встал ему навстречу.

— Эди Оконо, — представился тот, пожимая руку. — Мы с вами в некотором роде коллеги. Я руковожу отделом информации. Как и вы несколько дней назад, — потом заметив вопросительный взгляд Бьера, уточнил. — Только не в журнале. Я сотрудник Комитета Охраны Отечества.

Только теперь Бьер вспомнил, что уже не раз видел этого человека в редакции. Раньше он не обращал на него внимания — мало ли посетителей бывает в редакции «Хроноса». Но, оказывается, это был не простой посетитель.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал Бьер, пытаясь скрыть за улыбой неожиданно возникшую неприязнь.

— Благодарю вас.

Бьер вернулся на свое место и еще раз внимательно оглядел посетителя. Высокий, подтянутый и в штатском напоминал военного. Если знать, конечно, где он работает, «Интересно, сколько они там получают!» — подумал Бьер, глядя в непроницаемое лицо Оконо. Серые глаза, светлые волосы, тонкий прямой нос, небольшие усики и тонкие, поджатые губы. Гораздо умнее, чем кажется с первого взгляда, — суммировал Бьер первое свое впечатление о посетителе и, стараясь заглушить неожиданно возникшую тревогу, предложил:

— Злак со льдом!

— Не помешает, — Оконо улыбнулся одними губами и закинул ногу на ногу.

— Туо, подайте нам, пожалуйста, злак со льдом, — сказал Бьер, нажав на кнопку.

— Всегда приятно приходиться в гости в вашу редакцию, — сказал Оконо. — Чувствуешь, что находишься в каком-то храме прессы. Не на толкучке, где продаются и покупаются преходящие ценности, а именно в храме, где существуют ценности вечные. Это сравнение принадлежит не мне, так высказался когда-то в нашей с ним беседе ваш бывший редактор господин Канденег.

— Да, я тоже слышал от него это сравнение, — ответил Бьер. Комплимент Оконо был ему почему-то неприятен.

— Мы с ним, знаете, хорошо сработались. Между нами никогда не было никаких трений и разногласий. Он вам что-нибудь говорил обо мне!

— Нет, что-то не припомню. Вы знаете, его уход и мое назначение на этот пост были для всех большой неожиданностью. А прежде он просто не имел повода для такого разговора, я думаю. Вы ведь, насколько я понимаю, контактировали только с ним!

Посетитель кивнул.

— Ну, значит, он просто не имел оснований говорить мне о ваших контактах. Ведь до вчерашнего дня, как мне кажется,

даже не планировалось, что я займу это место. Для всех нас и даже, по-моему, для самого господина Канденега, его внезапное решение об уходе с поста главного редактора «Хроноса» было большой неожиданностью. Я так до сих пор не понимаю, чем оно было вызвано.

— Да, признаюсь, он и меня озадачил. Но, впрочем, удивляться нечему. Это мы с вами вынуждены зарабатывать свой хлеб в поте лица. А с его капиталами о таких вещах можно не заботиться. Ну, да это все прошлое. Надеюсь, что мы с вами будем сотрудничать так же эффективно и так же без всяких трений и разногласий, как мы сотрудничали раньше с господином Канденегом.

Бьер вежливо улыбнулся в ответ. Он еще не решил для себя, какой линии поведения следует придерживаться в разговорах с Оконо.

ОТКРЫЛАСЬ дверь, и вошла секретарша с подносом, на котором стояли два бокала, ваза со льдом и высокий стакан с элаком. Разговор на минуту прервался. Она поставила поднос на стол и молча вышла.

— Угощайтесь, пожалуйста, — сказал Бьер, разливая элак по бокалам.

— Благодарю вас, — Оконо положил себе пару кубиков льда, взял бокал в руку и откинулся в кресле. Бьер ждал, что он скажет.

— Если я не ошибаюсь, — начал, наконец, Оконо, и по его лицу Бьер понял, что тот перешел к делу, — выпуск девяносто третьего тома вашего издания начнется послезавтра.

— Ну, не совсем так, — ответил Бьер. — Послезавтра состоится только вскрытие сейфа с материалами, а сам выпуск...

— Я именно это и имел в виду, — неожиданно резко сказал Оконо, но, заметив, какое впечатление произвел его тон на Бьера, тут же поправился. — Простите, я вас перебил. Знаете, имеешь дело с газетчиками разного рода, поневоле находишься с дурными привычками. Там, бывает, пока не рывкнешь по хорошему, и слова вставить не удается. Продолжайте, пожалуйста. — Резкость так же неожиданно отступила в подтекст, уступив место некоторому раздражению; непонятно, что же больше покорило самого Оконо: собственная несдержанность или запоздалое ощущение досады, вызванное недостатком тактичности.

Бьер чуть заметно пожал плечами.

— Собственно, если вас интересует именно вскрытие сейфов, то продолжать незачем. Оно состоится послезавтра, в одиннадцать часов утра, если, конечно, не сломается часовой механизм. Но, насколько я знаю, до сих пор все девяносто два раза в предыдущие годы часовой механизм срабатывал безупречно.

— Девяносто один раз, господин Анардо, девяносто один раз, — улыбнулся Оконо. — Когда вскрывали сейф предыдущего года, часовой механизм был неисправен, но об этом знали только господин редактор Канденег и я. Теперь об этом знаете и вы тоже.

— Но как же так! — озадаченно спросил Бьер.

— Я был несколько неточен, простите, — как бы не понимая причины его замешательства, сказал Оконо. — Еще об этом знали три человека, техническая группа. Но это люди абсолютно надежные, они никому и никогда не преоблаются. А случилось это потому, что господин редактор Канденег заметил чуть больше года назад некоторое отставание часов на сейфе, который вскрыли в прошлом году. Он ведь никогда не нарушал этой доброй традиции — ежедневно, в начале рабочего дня проверять ход часов на всех сейфах с материалами.

— Да-да, я сам проделал сегодня это в первый раз, — почему-то смутившись, сказал Бьер. Он вспомнил, с каким волнением проделал сегодня эту процедуру. Именно как в храме — пришло на ум сравнение, употребленное Окно.

— Ну вот. Он заметил, что в последний год часы на сейфе двадцать девятого года стали отставать. Сообщил мне, я вызвал техническую группу, которая вскрыла часовой механизм и обнаружила неисправность. Механизм был отремонтирован, и к моменту торжественного вскрытия сейфа все было в порядке. Но, если бы не этот профилактический ремонт, торжество было бы сорвано.

— Любопытно, — озадаченно сказал Бьер.

— Само собой, все было проделано в строгой тайне, чтобы не нанести ни малейшего ущерба репутации вашего издания, — продолжал Окно. — Насколько я знаю, традиция «Хроноса» требует, чтобы во все дни года, кроме дня закладки документов и дня вскрытия очередного сейфа, никто, кроме главного редактора, не спускался в подвал, где хранятся документы. Потому-то никто даже не подозревал об этой неисправности. Главный редактор Канденег всегда сам запирает дверь в подвальное помещение и носил ключ при себе, куда бы он ни направлялся. Даже в ванной, говорят, он с ним не расставался.

— Но ведь для того, чтобы вскрыть часовой механизм, необходимо сначала открыть сейф, — сказал Бьер, почувствовав, что голос его слегка задрожал.

— Естественно, как же иначе. Потому-то за дело взялись мы, сотрудники Комитета Охраны Отечества. Ведь всем же ясно, какое значение имеют документы, хранящиеся в ваших сейфах. Еще бы — «Хронос» печатает только правду! Так, кажется, звучит ваш девиз! Конечно, и в тех документах, что находятся в сейфах «Хроноса», вранья порядочно. Каждый ведь старается обелить перед потомками именно себя и очернить своих противников. Но, как мне рассказывал господин главный редактор Канденег, сопоставление документов, мемуаров, статей, которые закладываются в сейфы, позволяет почти всегда отделить правду от лжи, в большинстве случаев установить окончательную истину и дать правдивое толкование нашей истории. За это-то и ценится «Хронос».

— Да-да, я сам занимался обработкой этой информации, — сказал Бьер. Против его воли фраза прозвучала довольно холодно.

Но Окно, будто и не заметив тона собеседника, продолжал с прежней живостью.

— Вот почему все держалось в таком секрете. Заодно, кстати говоря, мы проверили защищенность механизмов ваших сейфов от вскрытия при помощи современных средств, которыми пользуются взломщики. Хотя и слово-то — «взломщики» — уже давно устарело и не отражает методов их работы. Взломщики! Это, скажу я вам, ювелиры, искуснейшие мастера своего дела, способные обработать нестеряемый шкаф, не оставив ни малейших следов! Вы даже не можете себе представить, какого совершенства они достигли! Я-то обязан знать это по долгу службы, ведь моя первая обязанность — знать обо всем, что может угрожать безопасности государства. Поверьте мне, с тех пор, как в подвалах вашей редакции были установлены эти сейфы, прогресс в области их вскрытия достиг небывалых высот. И мы просто обязаны были убедиться, что никто не забрался в них за столько лет, провести соответствующую экспертизу, принять меры предосторожности на будущее. К счастью, могу вас заверить, что до сих пор ничего страшного не случилось. Иначе, кто знает, какие документы могли бы попасть на страницы «Хроноса». Ведь подделка истории кое для кого было бы очень заманчиво. Просто счастье, что в нашей стране есть такой непоколебимый страж исторической правды, как ваше издание!

Б Бьер вежливо улыбнулся. У него появилось предчувствие какой-то беды, но он постарался заглушить его. Окно отхлебнул эляка и продолжал:

— Но я, пожалуй, перейду к цели моего визита. Видите ли, для нас внезапное ухудшение здоровья господина редактора Канденег и его столь же внезапный уход были такой же неожиданностью, как и для вас. Судя по всему, он даже не успел, естественно, ввести вас в курс дела, сообщить о том, что следует сделать незамедлительно, еще до того, как произойдет торжественное вскрытие сейфа этого года.

— Собственно, он вообще мне ничего не сказал. Он просто заявил, что я, редактор отдела информации, из всех воз-

можных кандидатов на пост главного редактора успешнее смогу принять дела и встать во главе издания, чтобы не вызывать никаких затруднений в работе. Этим он и ограничился, и улетел на юг, к себе на виллу. Чуть позже он обещал устроить прощальный банкет для сотрудников, когда здоровье его немного поправится.

— Да, я все это знаю. Ведь в круг моих обязанностей входит знание всего, что происходит в редакциях крупнейших наших органов печати. Вы подтвердили мои опасения, — задумчиво сказал Окно и замолчал.

— У вас была с ним какая-то договоренность?

— Я прямо и не знаю, как вам сказать. Дело в том, что на господина редактора Канденег очень сильно действовало то обстоятельство, что сейфы вашего журнала легко могли быть вскрыты в прошедшие годы, причем так, что никто не заподозрил бы подвоха. Возможно, именно беспокойство из-за этого и явилось причиной ухудшения его здоровья. Правда, судя по характеру материалов, сейфы не содержали до сих пор подложных документов. Уж вы-то должны лучше меня знать, насколько содержимое всех материалов взаимосвязано. Если бы кто-то пожелал сделать подлог, ему пришлось бы вначале тщательно изучить все документы, иначе фальшивка была бы немедленно обнаружена сотрудниками отдела, которыми вы руководили. Но то, что до сих пор никто еще не вскрывал ваши сейфы, не является, к сожалению, гарантией от подобной вероятности в будущем. Поэтому мы с Канденегом договорились, что ежегодно, за два дня до вскрытия очередного сейфа с материалами пятидесятилетней давности, специалисты, о которых я уже говорил, под моим, естественно, руководством и в его присутствии будут проверять состояние этого сейфа. И вот теперь, представьте, господин Канденег вдруг все бросает и улетает лечиться, ничего не сообщив вам, своему преемнику, о нашей договоренности! Вы представляете, что может произойти, если в сейфе, который будет вскрыт послезавтра, вдруг окажутся подложные документы!

Окно немного помолчал, испытующе глядя на Бьера, затем, не дождавшись ответа, продолжил:

— Это будет таким ударом по престижу вашего издания, от которого вы уже никогда не сможете оправиться. До сих пор, с самого своего основания, сто сорок с лишним лет назад, журнал «Хронос» считался незыблемым авторитетом в вопросах новейшей истории. То, что было напечатано в «Хроносе», сомнению не подвергалось именно потому, что все материалы, которые использовал журнал, всегда были истинными. Люди, писавшие для «Хроноса», писали для будущего и поэтому не боялись говорить правду. Конечно, только такую, которая им была выгодна. Если же вдруг окажется, что «Хронос», возможно, пользовался подложными материалами, то это будет равносильно катастрофе. Это будет означать, что вся наша история, в огромной степени базирующаяся на том, что говорит «Хронос», перестанет считаться чем-то заслуживающим доверия. Понимаете, на «Хроносе», на счете к «Хроносу», держится слишком много, и мы, сотрудники Комитета Охраны Отечества, не можем не уделять поэтому должного внимания защите репутации издания, а значит, и охране его документации.

О Н снова замолчал и выжидающе поглядел на Бьера. Но Бьер ничего не ответил. Он только теперь вдруг понял, что это означает — быть редактором «Хроноса». Что с того, что материалы, которые публикует журнал, касаются всегда событий более чем полувековой давности! Что с того, что авторов материалов, как правило, уже давным-давно нет в живых! Что с того, что журнал почти не затрагивает чести и доброго имени никого из живущих! Этот человек прав — на «Хроносе» держится вся новейшая история, на «Хроносе» держится весь существующий порядок вещей. Кто может предсказать, что случится, если люди перестанут доверять своей истории! Только теперь вдруг ощутил Бьер, какая немалая ответственность легла на его плечи. И он ясно понял, что ему не устоять против давления человека, сдвигаясь в кресле напротив.

— Вы хотите, чтобы я позволил вам сделать то же самое, что позволял делать редактор Канденег! — спросил он, зля глядя прямо в глаза Окно.

— Надо, господин Бьер, надо, — мягко, как врач больному, ответил сотрудник Комитета Охраны Отечества. — Вы должны понимать, что это просто необходимо. Ведь таверн, зная

все то, о чем я вам рассказал, вы не можете оставаться спокойным. Ведь не можете же, правда! Мы проверим сейф, и вы вновь обретете спокойствие.

— Это противоречит традициям нашего журнала. Мне очень жаль, что редактор Канденег нарушил эти традиции...

— Тем более у вас нет оснований упрямыться. Не вы первый будете их нарушителем.

— А откуда я знаю, что то, что вы мне сказали — правда!

— Я никогда не лгу, господин Бьер, — по-прежнему мягко сказал Оконо. — Подойдем к вопросу с другой стороны. Вы привыкли всегда полностью доверять материалам, что поступают к вам из сейфов редакции. Как же вы благоволили относиться к ним в том случае, если у вас не будет полной уверенности в том, что они заслуживают доверия! Если сейф вскроют послезавтра, никто уже и никогда не сможет определить, открывался ли он за прошедшие пятьдесят лет или нет. Сегодня мы еще можем дать вам ответ. Если вы не решитесь сегодня, вы навсегда потеряете веру в свое дело. Решайтесь, — он посмотрел на Бьера, который молча сидел, глядя прямо перед собой, и добавил. — Мои люди ждут внизу, господин Бьер. Это очень надежные люди, смею вас уверить. Ничто из того, что сейчас происходит, не станет достоянием гласности.

— Даже никогда не попадет в наши же сейфы!

— Только если вы пожелаете об этом написать.

— А я сделаю это обязательно, — Бьер не думал о том, что он говорит, слова вырвались машинально.

— Напрасно вы это говорите. Это было бы непростительной ошибкой. Если вы это сделаете, вся ваша работа потеряет смысл. Я вам от души советую никогда не совершать подобных ошибок. Итак, вы нам поможете!

— Нет!

— Нет!

— Нет.

— Тогда мне придется сказать вам еще кое-что, господин Бьер. Видите ли, я — сотрудник Комитета Охраны Отечества. Мы, господин Бьер, располагаем огромными возможностями. Практически, неограниченными, во всем, что касается внутренних дел нашей страны. Я уже говорил, какое огромное значение для сохранения мира, спокойствия, веры, наконец, имеет доверие к материалам вашего издания. И мы, как истинные патриоты своей родины, не остановимся ради сохранения этого доверия ни перед чем. История должна оставаться правдивой, и народ должен верить своей истории. С нашим согласием или без него, но мы должны убедиться в сохранности материалов. И мы это сделаем. Если же вы встаете на нашей дороге, то последствия этого шага будут для вас крайне неблагоприятными. Я не угрожаю вам, вы не по думайте. Просто я призываю вас к благоразумию. Один из нас должен сдаться. Я не уступлю. Думайте, — и он, откинувшись в кресле, взял стакан с эляком, наполнил свой бокал и стал потихоньку потягивать напиток.

Бьер смотрел перед собой, на дверь кабинета, на вешалку у двери, на дверную ручку. Глаза искали, за что бы зацепиться, но не находили ничего и бессмысленно скользили по комнате. Он понимал, что приперт к стенке, что отступить некуда, что сдаться все равно придется, но оттягивал это мгновение, надеялся, что удастся найти выход. И вдруг понял, что уже ни на что не надеется, что с самого начала, с того момента, как узнал о цели визита Окона, ни на что не надеялся. И, глубоко вздохнув, встал и сказал Оконо:

— Идемте.

«В конце концов, это же только проверка», — промелькнула в голове спасительная мысль, но он и сам не поверил ей.

— Все правильно, — Оконо поставил свой бокал, не спеша поднялся и сказал. — Мои люди, господин Бьер, давно уже ждут в приемной. Пригласите их сюда, пожалуйста.

БЬЕР вызвал секретаршу и попросил пустить сотрудников. Оконо. Они сразу же вошли. Он тут же узнал их. Они регулярно наведывались в редакцию для осуществления контроля против прослушивания. Их появление в кабинете главного редактора не вызовет лишних вопросов. Каждый из них внес в кабинет по внушительному чемодану с аппаратурой.

— Господин Бьер, попросите, пожалуйста, никого к вам не впускать, пока мы осуществляем проверку, — сказал Оконо. — И закройте дверь на ключ.

Бьер повиновался, затем молча подошел к задней стене

кабинета. Здесь находился вход в святилище «Хроноса», в подвал, в котором хранились документы. Пятьдесят один сейф, доверху набитый бумагами. Каждый год один из них вскрывали, и документы начинали говорить после пятидесяти лет молчания. Каждый год в другой сейф складывали новые документы. Никем не прочитанные, никем не отредактированные, опечатанные в присутствии юриста рукописи, собранные сотрудниками отдела информации. Авторами их были самые влиятельные люди в стране: политические и общественные деятели, крупные ученые, представители культуры и искусства — все те, кто оказывал влияние на ход истории. «В этих сейфах хранится совесть нации», — неожиданно вспомнил Бьер слова из последней речи редактора Канденег.

Бьер открыл дверь и по узкой винтовой лестнице спустился на три этажа вниз. Оконо и его люди шли следом.

— Вот он, храм истории, — высокопарно, но с какой-то застенчивой иронией сказал Оконо, когда они спустились в подвал. Круглое помещение с колонной посередине, вокруг которой вилась лестница, было заполнено сумрачным светом. Яркий свет зажигали здесь только дважды в году — во время закладки материалов в очередной сейф, что было в сто сорок третий раз проделано вчера, и во время вскрытия очередного сейфа, которое должно было произойти послезавтра. Сейфы стояли по кругу вдоль подвала. Они были закреплены на основных железных угольниках так, чтобы от пола и от стен их отделяло пустое пространство шириной около полуметра. Пятьдесят один сейф. Блестели пять десятков одинаковых хромированных рукояток, светилось пять десятков окошек с циферблатами электрических часов. Помещение было заполнено ровным, чуть слышным гулом трансформаторов — этажом выше находились подстанции и аккумуляторная, питавшие ток часовые механизмы даже в случае длительного отключения электроэнергии в городе.

— Итак, какой же из них? — спросил Оконо.

— Вот тот, — Бьер кивнул в сторону сейфа, который должны были вскрыть в этом году, и отошел в сторону.

— Каждый раз путаюсь, — Оконо повернулся к своим сотрудникам и сказал: — Начинайте, ребята.

Те поставили чемоданы под лестницей и приступили к делу. Бьер даже не пытался понять, как они работали, ему было противно то, что здесь происходило. Вдруг он умался. Что, если эти люди — никакие не сотрудники Комитета Охраны Отечества! Ведь он даже не видел их документов. Но нет, секретарша должна была видеть, она никогда не впустила бы их к нему без достаточных на то оснований. Главный редактор «Хроноса» не может принимать кого попало. Он еще находился в сомнении, когда услышал легкий звонок.

— Идите сюда, господин Бьер, — раздался голос Оконо. — Сейф открыт.

Люди Оконо отошли в сторону, и Бьер оказался один перед дверью.

— Смелее, открывайте.

Бьер повернул хромированную рукоятку против часовой стрелки, надавил на нее и повернул обратно. Так, как он должен будет сделать послезавтра, при торжественном вскрытии сейфа, под звуки аплодисментов и вспышки бличек. Затем он потянул дверь на себя. Тяжелая стальная плита медленно повернулась на петлях, открывая темное чрево сейфа. Бьер заглянул внутрь и зашатался — сейф был пуст.

— Ничего страшного, господин Бьер, — откуда-то издали донесся голос Оконо. — Обычная мера предосторожности. Теперь вы понимаете, почему мы должны были проделать сегодня эту операцию.

Бьер медленно приходил в себя. Он оглянулся. Сотрудники Оконо под лестницей распаковывали свои чемоданы, вынимая из них бумаги.

— Все в порядке, — говорил между тем Оконо. — Все бумаги в полной сохранности. Если бы кто-то захотел подменить нашу историю, его ожидал бы здесь большой сюрприз, — он довольно засмеялся. — В наших сейфах, вы понимаете, бумаги остаются в большей сохранности. Давайте складывать их на место. Я буду подносить, а вы кладите.

Бьер работал перевязанных тонкой тесемкой и опечатанных папок с бумагами, клал ее в недра сейфа и нагибался за следующей. Каждая папка была тщательно заклеена и опечатана в присутствии юриста редакционной печатью, которая всегда уничтожалась после закладки очередного сейфа. Но ведь под-

делать печать—это так просто! Подделать историю, наверное, не намного сложнее. Он нагибался за пачками бумаг и набивал ими черную пустоту сейфа и, если Оконо не успевал поднести очередную, так и застывал в полусогнутом положении. Через десять минут все было закончено. Бьер закрыл дверь сейфа и проделал в обратном порядке манипуляции с ручкой. И только тогда заметил, что сейф этого года, сейф, который был закрыт накануне, которому предостало полвека хранить свои тайны — этот сейф вскрыт, и сотрудники Оконо перегружают его содержимое в свои чемоданы. Он хотел кинуться туда, остановить, задержать, но Оконо встал прямо перед ним и загородил дорогу.

— Э-это предательство, — сказал Бьер и хотел оттолкнуть его, но внезапно остановился. Оконо был совершенно спокоен, и на губах его играла презрительная усмешка.

— Ну, будьте же мужчиной, Бьер, — сказал он. — Конечно, нелегко, когда рушатся детские иллюзии, но надо же, черт подери, взрослеть! Я думал, что вы сообразительнее. Поймите хотя бы, что мы стоим на страже интересов народа, а они выше, чем все ваши понятия о чести, верности, совести, чем вся эта шелуха, за которую так цепляется гнилая интеллигенция.

О Н отошел на пару шагов. — Придите в себя, в конце-то концов. Только и не хватало, чтобы вы скончались тут же от сердечного приступа. Господин редактор Канденег тоже переживал в свое время, но ведь и он не был первым. И после нас с вами все останется по-прежнему. Вот вы говорили о традициях, Бьер, о том, что традиции нельзя нарушать, — он подошел вплотную, положил руки на плечи Бьеру и заговорил ласково и убедительно, как умеют говорить лишь отдельные врачи и отдельные священники. — Так вот, поймите, то, что сейчас происходит, тоже не более, чем дань традиции. С какой бы стороны этот вопрос ни рассматривать.

Он снова отошел, стал прохаживаться взад и вперед перед Бьером, потом остановился и опять повернулся к нему лицом.

— В самом деле, неплохая мысль, а? Я бы даже взялся построить на ее основе философскую концепцию, чтобы не терзаться напрасными сомнениями. В самом деле, что это, как ни традиция, что мы приходим сюда ежегодно на другой день после закладки документов в очередной сейф и уносим их с собой! Это добрая традиция, добрая хотя бы потому, что успела состариться, что стала ровесницей вашей доброй традиции. Более того, я бы сказал, что она лучше, потому что на нашей традиции держится вся новейшая история, какой мы ее знаем. А что есть история, как не традиция! Ведь история — это просто совокупность того, что люди хотят помнить о своем прошлом. Подчеркиваю — хотят. Значит, история, как и всякая традиция, живущая в народе, строго добровольна. И мы своей деятельностью сегодня поддерживаем эту традицию. А также много других традиций. Традиционную веру народа в ваш журнал. Традиционно высокий спрос на него, который обеспечивает вам неплохие доходы. Традиционные сенсации, которые ваши сотрудники смогут извлечь из этих материалов. И не какие-нибудь липовые сенсации, которые так любит бульварная пресса — нет, самые настоящие, кото-

рые иногда, несмотря на свою древность, ой как больно ударяют по современным нашим политическим деятелям. Куда ни кинь — везде традиции, и надо уж быть по крайней мере последовательным, если предпочитаешь традиционный подход.

— А что вы делаете с теми, кто поверил «Хроносу», чьи материалы вы сегодня забираете! Оконо засмеялся.

— И тут традиции, дорогой мой господин Бьер! Как правило, ровным счетом ничего. Конечно, бывает, что иной человек погибнет в катастрофе, умрет от сердечного приступа или сойдет с ума, но это редкие исключения, без которых, как известно, не бывает ни одного правила. Ведь вы поймите — не в этом наша основная цель. Главное — это охрана нашей истории, охрана веры нашего народа в историю, потому что народ, потерявший такую веру, потеряет и веру в будущее, а этого мы допустить не можем. Вот, скажем, если бы не наша забота, в этом сейфе были бы материалы о разгроме подполья в одиннадцатом году и о системе концентрационных лагерей, о том, что наш национальный герой, маршал Соор, был непосредственным вдохновителем их создания, и о том, что не он, а расстрелянный в двенадцатом году по его приказу генерал Теллах стоял во главе победоносной Двенадцатой армии во время ее знаменитого Северного похода и взятия Иктеррона. И были бы там материалы о взятках, полученных членами Ассамблеи от банкирского дома Раддегов во время выборов шестнадцатого года, и воспоминания о премьер-министре Тахого Лакарсе, которого, по нашим представлениям, никогда не было. Я понимаю, в истории, как и в жизни, должно быть грязь, должно быть много грязи, но кое о чем лучше забыть. Ради будущего.

Он немного помолчал, прошелся взад-вперед по подвалу, держа руки за спиной, затем подошел вплотную к Бьеру и тихо, но очень четко выговаривая каждое слово, сказал:

— Вот так-то, дорогой мой господин главный редактор Бьер. Если уж заниматься историей, если уж ценить традиции, то нужно быть до конца последовательным.

— Я уже не занимаюсь больше историей, — сказал Бьер чуть слышно. — Теперь я понимаю, что всегда угнетало редактора Канденега...

ВЕЧЕРОМ на столе главного редактора «Хроноса» зазвонил телефон. Весь день после ухода Оконо и его спутников Бьер никого не принимал и не отвечал на телефонные звонки. Но теперь телефон звонил так долго и настойчиво, что он, наконец, снял трубку.

— Бьер! — голос Канденега звучал совсем рядом. Бьер молчал.

— Они были у вас, Бьер!... Они были у вас... Они спускались в подвал!.. Да!.. Бьер... — он тяжело дышал в трубку. — Бьер! Я подлец, Бьер... Но я надеялся на вас... Я думал, вы ничем не связаны, у вас нет семьи... Я думал, вы сумеете устоять... Я всю жизнь прожил подлецом, трусом и подлецом, но я надеялся на вас...

Главный редактор «Хроноса» положил трубку. Говорить было не о чем.

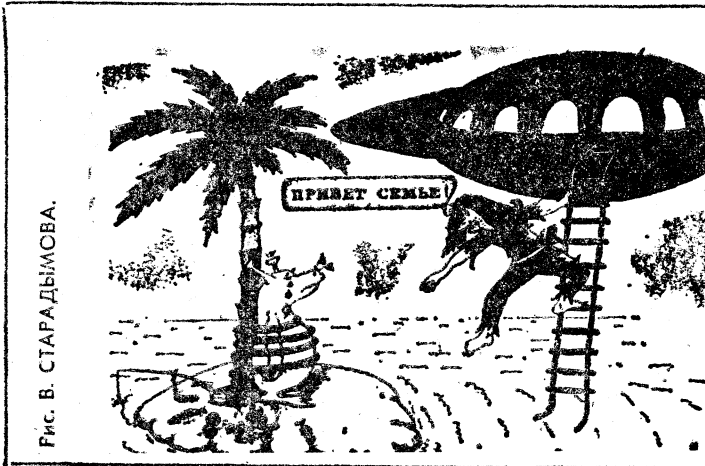

Рис. В. СТАРАДЫМОВА.

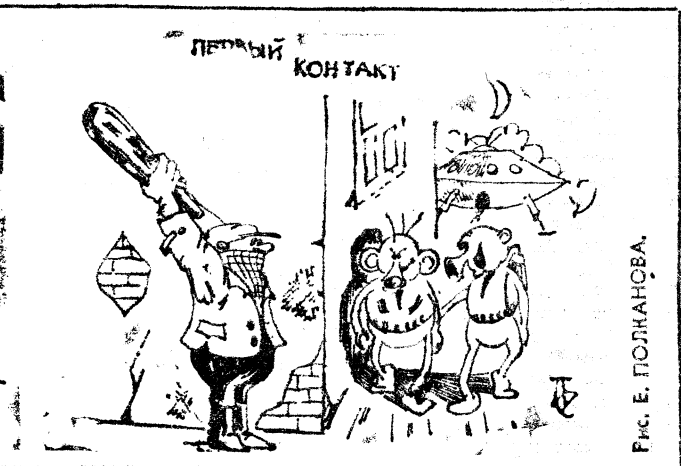

Рис. Е. ПОРХАНОВА.

КОНЬ!
ПОВЕДАЙ МНЕ
ДОБРОЕ СЛОВО!

КОНСТАНТИН
 СЛУЧЕВСКИЙ

По крутым по бокам вороного
 Месяц блещет, всю озарил!
 Конь! Поведай мне доброе слово!
 В сказках конь с седоком говорил!

Ох, и лес-то велик и спокоен!
 Ох, и ночь-то глубоко синя!
 Да и я безмятежно настроен...
 Конь, голубчик! Побалуй меня!

Ты скажи, что за девицей едем;
 Что она, прикрываясь фатой,
 Ждет... глаза проглядит...
 Нет! Мы бредим,
 И никто-то не ждет нас с тобой!

Конь не молвит мне доброго слова!
 Это сказка, чтоб конь говорил!
 Но зачем же бока вороного
 Месяц блеском таким озарил?

СОДЕРЖАНИЕ

Дорога, с которой не возвращаются Андрей Сапковский	1
Шаги Ундбэр Д. Стил	11
В эпоху УНИМО Александр Карапанчев	14
Идолы Мargarита Алферова	18
Восковые игроки Адриан К. Дойл, Джон Д. Карр	21
Дело всей ее жизни Хелен Мельян	27
Гибель «Хроноса» Сергей Казменко	28
Конь! Поведай мне доброе слово! Константин Случевский	32

Издание подготовлено кооперативом «Свиток» при Средне-Уральском книжном издательстве и журнале «Уральский следопыт».

Над девятым выпуском «ПиФа» работали И. Кузовлев, М. Пудовкин, С. Казанцев, С. Гаврилова, И. Любарский, Л. Иокитулло, О. Нагибина, М. Козловский, О. Аржанников, Г. Ходжаев.

Ответственный за выпуск С. Мешавкин.

ПиФ. Приключения и фантастика: сб. остросюжетных рассказов. Сборник содержит приключенческие, фантастические рассказы и публицистические материалы советских и зарубежных авторов.

Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во 1990 — 32 с.
 Печать высокая. Усл. печ. л. 4,0. Уч-изд. л. 4,42.
 Зак. № 760. Тираж 110000 экз. Цена 70 коп.
 Подписано к печати 25.08.90. ИС 23749

Средне-Уральское книжное издательство и журнал
 «Уральский следопыт».
 Типография изд-ва «Военный железнодорожник».

Наш адрес: ул. Декабристов, 67.

☎ 22-10-74